

1. 61.
33.

№. копировать

ЗАВОЛЖСКАЯ ВИБЛЮЩКА.

Извѣстно и вѣдомо всѣмъ, колико исторія пользу приприситъ, ибо изъ нея видимъ, какъ великіе ученые и храбрые мужи отечеству своему похвалу и людямъ пользу учинили, какъ люди мудрые избавляли другихъ отъ бѣды; другія обстоятельства показываютъ людей робкихъ, злыхъ и продѣхъ, своему отечеству и людямъ гибель хотѣвшихъ; первыхъ людей исторія показывать на уваженіе потомковъ, а вторыхъ—на ихъ поруганіе...

В. Н. Татищевъ.

I.

НИКОЛАИ АГАФОНОВА.

КАСАНЬ.

ТИПОГРАФИЯ РУССКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

1887.

Цензурою дозволено. Казань. 8 мая 1887 года.

СБОРНИКЪ

археологическихъ, историческихъ, этнографическихъ и био—библиографическихъ матеріаловъ.

Выпускъ первый.

2007111601

ЗАБЫТАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ МОГИЛА.

(Эпизодъ изъ „добраго стараго времени“).

Посвящаю товарищу моему Владиміру Львовичу Веселицкому

Веселые годы,
Счастливые дни—
Какъ вешнія воды
Промчались они!

(Изъ стариннаго романа).

....Лѣтъ шесть тому назадъ сошелъ въ преждевременную могилу бывшій казанскій, а потомъ нстербургскій профессоръ, извѣстный въ свое время юристъ и публицистъ Александръ Павловичъ Чебышевъ—Дмитріевъ. О немъ мы хотимъ сказать нѣсколько словъ, которыя можетъ быть пригодятся для будущаго его біографа или историка русской литературы.

Смерть Чебышева—Дмитріева не вызвала въ нашей журналистикѣ никакихъ, сколько помнится, некрологическихъ статей, если не считать двухъ—трехъ коротенькихъ газетныхъ сообщеній, несовѣтъ точныхъ и донельзя сухихъ, хотя и сочувственныхъ. Никто не подалъ задушевнаго товарищескаго голоса объ отшедшемъ въ вѣчность собратѣ, принадлежавшемъ когда-то, по своимъ чувствамъ, убѣжденіямъ и стремленіямъ, къ лучшимъ людямъ своего времени.

Какъ писатель, онъ не принадлежалъ, конечно, къ числу звѣздъ первой величины, но его публицистическія и кри-

В тическихъ статьи, появившіяся въ періодической печати шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, имѣли обширный кругъ читателей. Состоя сотрудиномъ разныхъ временныхъ изданій и редакторомъ двухъ юридическихъ журналовъ, Александръ Павловичъ Чебышевъ—Дмитріевъ былъ въ тоже время даровитымъ профессоромъ многихъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга.

Если столь несостоятельными оказались нравственныя отношенія петербургскихъ ученыхъ и литераторовъ къ своимъ товарищамъ по дѣятельности, то долго не изгладится изъ памяти живая, свѣтлая личность Чебышева—Дмитріева въ средѣ казанскихъ университетскихъ его слушателей. Долго не угаснетъ память о замѣчательномъ профессорѣ, въ высшей степени восторженномъ, эксцентричномъ и благородномъ до идеализма челоѣкѣ, этомъ беззаѣтнымъ поклонникѣ красоты въ искусствѣ и природѣ, этомъ поэтѣ въ душѣ и дѣйствіяхъ, каковымъ былъ Александръ Павловичъ, занимая одну изъ юридическихъ кафедръ въ нашемъ университетѣ.

Мѣсяца черезъ два по окончаніи курса въ московскомъ университетѣ, Чебышевъ—Дмитріевъ поступилъ на службу въ канцелярію московскаго генераль—губернатора графа Закревскаго. Александръ Павловичъ былъ незаконнорожденный сынъ нѣкаго московскаго богача Павла Чебышева и звался *Александромъ Дмитріевичемъ Дмитріевымъ*. Рожденъ онъ былъ отъ простой дѣвушки, которая потомъ жила съ сыномъ въ Казани, когда тотъ былъ здѣсь профессоромъ. Старый сибаритъ Чебышевъ женатъ былъ на знатной московской дамѣ, принадлежавшей къ какой то родовитой фамиліи. Барыня эта была женщина нестарая, съ великосвѣтскими связями; за ней ухаживала московская знать, начиная съ самого генераль—губернатора. При всѣхъ своихъ вѣнннхъ счастливыхъ качествахъ, она, однакоже, была крайне чванной и заносчивой женщиной; кичилась своей родословной, хвасталась богатствомъ и знакомствами и была до безконечности невыносима для крѣпостной дворни...

Въ серединѣ гимназическаго курса ученику Александру *Дмитріеву* стали прибавлять къ фамиліи слово: „Чебышевъ“, а отчество—вмѣсто Дмитріевичъ—писали: „Павловичъ“. Все это сдѣлано, благодаря податливости инспектора гимназій, добиться которой во времена „святой простоты“ было нетрудно. По окончаніи курса въ гимназій выданъ былъ аттестатъ съ фамиліей: „*Чебышевъ—Дмитріевъ*“. Съ этою фамиліею онъ поступилъ и въ университетъ.

Фамилія Чебышева была въ Москвѣ громкой. Домъ Чебышева зналъ каждый москвичъ. Пылкому юношѣ давно хотѣлось завладѣть этой фамиліей и носить ее по праву. Ему нравилось быть Чебышевымъ и онъ ни передъ кѣмъ не скрывалъ этого удовольствія. Такъ онъ кончилъ курсъ и въ университетѣ.

Но когда Александръ Павловичъ поступилъ въ канцелярію московскаго генераль-губернатора, провѣдала о похищеніи фамиліи знатная вдова Чебышева. Она слышать не хотѣла, чтобы дерзкій мальчишка-простолюдинъ, этотъ презрѣнный сынъ рабыни, смѣлъ именоваться фамиліей ея мужа. Она подняла цѣлую бурю по Москвѣ и затѣяла процессъ объ „изъятіи“ изъ фамиліи Александра Павловича слова „Чебышевъ“, ссылаясь на имѣвшееся на ея сторонѣ полное легальное основаніе.

Александръ Павловичъ былъ тоже щекотливый человекъ. Благодаря этой фамиліи онъ попалъ въ канцелярію графа Закревскаго и благодаря ей ожидалъ многого впереди. Вѣсть о хлопотахъ г-жи Чебышевой привела его въ отчаяніе. Онъ былъ молодъ, пылокъ, идеалистъ... „Я не перенесу этого позора!“ кричалъ онъ подъ гнетомъ оскорбленнаго самолюбія. „Если отнимутъ у меня фамилію, я отправлюсь юнкеромъ на Кавказъ. Пусть убьютъ меня горцы подъ стѣнами своего укрѣпленія...“.

Слова эти были сказаны имъ въ тѣсномъ кружкѣ университетскихъ товарищей, въ минуты душевной боли. Нужно замѣтить, что Александръ Павловичъ, бывши еще студентомъ, писалъ очень много для „Молвы“, московской газеты, издававшейся въ 1857 году близкимъ товарищемъ его по гимназіи и университету. Статьи его, въ прозѣ и стихахъ, появлялись въ печати за подписью: „Чебышевъ-Дмитріевъ“. Подъ этою фамиліей уже привыкли знать его многіе семейные дома въ Москвѣ, знакомствомъ съ которыми онъ дорожилъ.

Однако приставка къ фамиліи какими-то судьбами осталась за нимъ. Дѣло утихло. Вскорѣ онъ уѣхалъ профессоромъ въ Ярославль.

Ярославскій Демидовскій лицей былъ тогда не совсѣмъ юридическій, а скорѣе камеральный, такъ какъ тамъ читалась даже химія. Чебышевъ-Дмитріевъ занялъ здѣсь каедру уголовного права и чтеніемъ своимъ вскорѣ вскружилъ головы мирныхъ ярославцевъ.

Александръ Павловичъ былъ талантъ и талантъ замѣчательно-оригинальный. Силою такого самобытнаго таланта только и можно объяснить, какъ человекъ, ничего

не дѣлавшій въ университетѣ въ годы студенчества, могъ выйти замѣчательнымъ профессоромъ. Въ университетѣ Чебышевъ—Дмитріевъ хотя и шелъ по юридическому факультету, но знанія его равнялись нулю. Правда, онъ кое-что читалъ по исторіи русскаго права, но въ римскомъ, государственномъ общемъ, уголовномъ, гражданскомъ и прочихъ—хоть „шаромъ покати“. Лекціи записывались однимъ или двоими товарищами его кружка, но самъ онъ не только не имѣлъ привычки записывать, но и читать ихъ. Станутъ приближаться экзамены, соберется этотъ небольшой кружокъ въ садъ къ одному изъ товарищей гдѣнибудь на Смоленскомъ рынкѣ и забравшись всѣ въ бесѣдку, читаютъ. Чтеніе идетъ прекрасно, производительно; но Александръ Павловичъ сейчасъ-же, при самомъ началѣ чтенія, заснетъ и спитъ до той поры, пока не принесутъ что-нибудь закусить въ сухомятку: яицъ или колбасы. И какъ ни старались товарищи поѣсть втихомолку отъ Чебышева, чтобы хоть голодомъ наказать его за индифферентизмъ къ лекціямъ, но этого имъ не удавалось: лишь только почуветь герой нашъ запахъ съѣстного, въ ту же минуту проснется и присосѣдится. „Ну пусть поѣсть, думаютъ товарищи; можетъ быть, закусивши, онъ будетъ повнимательнѣе къ чтенію“. Не тутъ-то было! Послѣ ѣды Александръ Павловичъ беретъ въ руки фуражку и начинаетъ процѣплять:

— Вы, говоритъ, тутъ читайте, а я пойду спать. Ужасная тоска слушать всю эту дребедень...

Товарищи кипятились, а ему и горя мало. И это чуть не наканунѣ экзаменовъ.

Но вотъ и экзамены.

Ѣдетъ Александръ Павловичъ съ товарищемъ своимъ въ университетъ экзаменоваться изъ „римскаго права“. Нужно знать, что это за предметъ былъ въ те время для московскихъ студентовъ. Его читалъ извѣстный Крыловъ, Никита Ивановичъ, весьма даровитый профессоръ и немумолимо-строгій экзаменаторъ. Чебышевъ и его спутникъ ѣдутъ робко, заранѣе предвкушая страшную минуту. Сердце билось, какъ голубь, душа уходила въ пятки. Крылова трусили и тѣ, кои много и серьезно занимались „римскимъ правомъ“. Профессоръ требовалъ основательныхъ знаній и отдѣлаться у него па экзаменѣ „шильцемъ да мыльцемъ“—считалось немислимымъ. Чебышевъ всю дорогу упорно молчалъ и только повременамъ выпускалъ глубокіе вздохи. Вотъ проѣхали Арбатъ, Никитскую—Чебышевъ все молчитъ. Вотъ Моховая; шага три осталось

до университета. Бросивши мрачный взоръ на университетское зданіе, Александръ Павловичъ быстро оборачивается къ своему сосѣду и говоритъ:

— И, братъ, медицинское свидѣтельство представлю. Научи, пожалуста, какъ это сдѣлать? А экзаменоваться мнѣ невозможно: я, вѣдь, ничего не знаю...

— Что ты ровно ничего не знаешь—это для меня не новость. Но ужь не стоитъ тебѣ откладывать. Ты посуди: въ августѣ ты тоже не больше будешь знать, а теперь если и поставитъ тебѣ единицу, то ее, благодаря хорошимъ отмѣткамъ изъ другихъ предметовъ, могутъ какънибудь переправить на тройку, что—какъ тебѣ известно,— у насъ иногда дѣлается.

Чебышевъ соглашается. Ни мало не волнуясь, подходитъ онъ къ столу угрюмаго Никиты Ивановича и развязно беретъ билетъ.

Можете себѣ представить, какой вопросъ выпалъ на долю Чебышева изъ „римскаго права“? *Внѣшняя исторія Рима*. Такая тема относилась, конечно, къ области исторіи; по Крылову вздумалось въ большой годичный курсъ читаемаго имъ предмета включить двѣ-три лекціи о внѣшней исторіи Рима. Хотѣлъ-ли онъ въ короткихъ словахъ подновить въ головахъ слушателей историческій процессъ территориальнаго разширенія Римскаго государства, или имъ руководили инныя соображенія,—только Александръ Павловичъ „отчеканилъ“ по этому билету блистательно. Въ гимназіи онъ шелъ всетаки недурно и притомъ владѣлъ даромъ слова. Посмотрѣлъ онъ на билетъ, помолчалъ нѣсколько секундъ, а затѣмъ и пошла писать... Ромуль да Ремъ; первая Пуническая война да вторая, вторая да третья, то да другое, пятое да десятое. Профессоръ даже умилился отъ блестящихъ знаній молодого человѣка и поставилъ ему *пять*. Всѣ товарищи, ошеломленные такимъ „репримандомъ“, смотрѣли другъ другу въ глаза, растопыривъ руки... И такимъ образомъ прошли для Александра Павловича всѣ четыре года университетской жизни.

Впрочемъ, на третьемъ, кажется, курсѣ собралась было, гроза надъ головою бѣднаго Чебышева. Былъ экзаменъ опять изъ „римскаго права“. Не зная по обыкновенію ни аза-въ-глаза изъ прослушанныхъ за годъ лекцій, Александръ Павловичъ добылъ медицинское свидѣтельство, и на экзаменъ не явился. Въ концѣ мая собрался совѣтъ для общей оцѣнки экзаменовъ и рѣшенія вопросовъ относительно лицъ, не явившихся на экзамены. Въ числѣ

этихъ послѣднихъ значился и Чебышевъ. Его пригласили и спрашиваютъ:

— Можетъ быть вы скажете намъ что-нибудь? Возьмите билетъ.

Тотъ беретъ билетъ и, скользнувъ по нему глазами, кладетъ его обратно.

— Этого билета я не знаю....

Ему предлагаютъ взять другой. Чебышевъ беретъ еще билетъ и оставляетъ его также безъ отвѣта. Предлагаютъ третій—и съ третимъ тоже исторія.

— Что-же вы знаете, горячатся профессора.

— Я ничего не знаю-съ!..

— Отчего-же?..

— Былъ болѣнъ....

Ну, разумѣется, болѣнъ былъ и свидѣтельство есть—слѣдовательно и толковать нечего. Начинается конфиденціальное совѣщаніе о томъ, какъ поступить съ Чебышевымъ? Профессора, у которыхъ онъ получилъ спесивыя отмѣтки, говорили, что ему можно поставитъ *три*, такъ какъ оцъ-де, если не болѣнъ, то способенъ выдержать экзаменъ хорошо, а заболѣвши, натурально, не могъ готовиться, и т. д. Большинство членовъ соглашается; Чебышеву ставятъ *тройку* и дѣло въ шляпѣ.

Наконецъ Александръ Павловичъ кончилъ курсъ въ университетѣ. Московскій университетъ оставилъ въ немъ самыя свѣтлыя и вмѣстѣ—грустные чувства. Приведемъ вѣсколько словъ самого Чебышева—Дмитріева объ этомъ университетѣ, объ этой—по его выраженію—Меккѣ, куда на научное богомолье рвалась съ благоговѣніемъ молодежь со всѣхъ концовъ Россіи. Вотъ что говоритъ онъ:

„И я былъ московскимъ студентомъ. Къ сожалѣнію, я уже не засталъ его въ томъ полномъ блескѣ, какой окружалъ его въ сороковыхъ годахъ. Та плеяда профессоровъ, которые дали московскому университету вполне заслуженную и всероссійскую извѣстность, распалась; потому что инныя свѣтила или умерли, или оставили профессуру, а другіе—тускнѣли. Словомъ, я засталъ уже закатъ величественнаго дня; но и закатъ этотъ былъ прекрасенъ... На моихъ глазахъ сошли въ могилу послѣднія свѣтила, до конца разливавшія вокругъ себя свѣтъ и теплоту: Рубль, Грановскій, Кудрявцевъ.. На моихъ глазахъ кончилъ свою славную жизнь старей „строгановскій“ университетъ и передалъ свое дѣло сыну и послѣднику—„новому“ московскому университету. Рушились прежніе патріархальныя порядки, которые въ свое время давали

такъ много пищи студенческому остроумію, нѣкоторые и до сихъ поръ вспоминаются бывшими студентами съ добродушнымъ умиленіемъ; рушились прежнія отношенія между профессорами и студентами, потому что измѣнились и студенты и профессоры. Кружокъ Грановскаго смѣнился другимъ кружкомъ. Въмѣсто кроткаго, полного любви къ молодежи и тихой грусти, вдохновеннаго слова Грановскаго раздался крикливый, жесткій, нестерпимо самоувѣренный голосъ новыхъ свѣтилъ съ ихъ черствымъ доктринерствомъ, съ безсердечнымъ мудрствованіемъ... Эти новыя свѣтила горделиво вели свой родъ отъ Грановскаго; но между нимъ и ими лежала такая-же бездна, какъ между сороковыми и началомъ шестидесятыхъ годовъ. Правда, и Грановскій считалъ ихъ своими учениками, но они еще были птенцами, когда онъ жилъ. Если бы онъ дождался того времени, когда его птенцы оперились и стали дѣйствовать и мудрить,—что сказалъ-бы онъ? Кто знаетъ! Мнѣ кажется, впрочемъ, что онъ сдѣлалъ-бы тоже, что Лафатеръ, когда тотъ увидалъ портретъ Гете, котораго до тѣхъ поръ зналъ по его сочиненіямъ и представлялъ совсѣмъ не такимъ, какимъ былъ въ дѣйствительности великій поэтъ:—Лафатеръ увидалъ свою ошибку и заплакалъ... Я не жалѣю о прошломъ. Къ чему жалѣть? Что было то былою поросло и того не воротить; что умираетъ, то умерло, очевидно, потому, что не можетъ существовать при новыхъ условіяхъ жизни. Къ чему же бесплодное сожалѣніе. Я могу только желать, чтобы московскій университетъ снова занялъ, такъ или иначе, то мѣсто, какое онъ занималъ прежде. Я ему искренно желаю этого въ благодарность за тѣ свѣтлые дни молодой жизни, которые я провелъ въ немъ, за дорогія воспоминанія, за ту облагороживающую человѣка любовь къ нему, какую онъ вселялъ студентамъ моего времени... Жалокъ тотъ изъ моихъ товарищей, кто не вынесъ этихъ чувствъ! Жалокъ тотъ, кто имѣлъ ихъ, да растерялъ“ (*).

Эти теплыя, задушевные слова о московскомъ университетѣ написаны Александромъ Павловичемъ въ декабрѣ 1873 года, въ виду свѣжей могилы одного изъ крупныхъ преподавателей университета, Ивана Дмитриевича Бѣляева, этого незлобиваго младенца до сѣдыхъ волосъ, оставившаго между многочисленными учениками неизгладимо дорогое воспоминаніе.

Какимъ поэтомъ въ жизни и поступкахъ былъ Чебы-

(*) „На поль-пути“. Страница 347.

певъ на студенческой скамьѣ, такимъ остался и послѣ, когда—назначенный профессоромъ Демидовскаго лицея—онъ пріѣхалъ въ городъ Ярославль. Въ первый-же годъ профессорства въ Ярославль ему предложено приготовить рѣчь къ торжественному акту. Составить рѣчь было Чебышеву не трудно при его талантѣ. Собралъ онъ подходящіе источники, просмотрѣлъ ихъ, сообразилъ, скомбинировалъ и въ концѣ-концовъ получилось „ничто“. Рѣчь была готова и дышала огнемъ. Говорилъ ее Чебышевъ съ большимъ воодушевленіемъ, мастерски владея дикціей. У него и Бэконъ, и Декартъ, и Кантъ, и Гегель, и Шлегель, и Фейербахъ, и многія другія европейскія знаменитости—вышли всѣ „ничто“. Всѣ они, по словамъ оратора, были пустые фразеры и ученіе ихъ—одно вранье. Словомъ, „всѣмъ сестрамъ по серьгамъ“ досталось отъ добрейшаго Александра Павловича. Слушатели въ восторгѣ. Лицеисты отъ избытка испытаннаго удовольствія подняли шумъ и трескъ, передніе ряды непрерывно пожимали руку молодаго профессора и благодарили его за *живое слово науки*. Даже преосвященный Нилъ и тотъ былъ тропуть рѣчью Чебышева.

— Много перебывало разныхъ профессоровъ въ Демидовскомъ лицей—говорилъ ярославскій владыка; но эдакого еще не было.... Что за умная, ученая голова!....

И такъ отзывался не одинъ Нилъ, мужъ впрочемъ довольно ученый, трудъ котораго о „Буддизмѣ“ считается важнымъ научнымъ пріобрѣтеніемъ, но говорила въ одинъ голосъ вся ярославская интеллигенція.

Въ 1860 году А. П. Чебышевъ—Дмитріевъ пріѣхалъ въ Казань, занявши кафедру уголовного права въ нашемъ университетѣ. Какъ извѣстно, онъ былъ очень серьезнымъ и солиднымъ профессоромъ и знатокомъ своей науки. Вступительная лекція его „О современномъ состояніи и задачахъ науки уголовного права“, прочитанная при открытіи курса уголовного права въ казанскомъ университетѣ, была составлена съ рѣдкою компетентностію и встрѣтила сочувственный отзывъ со стороны мѣстныхъ ученыхъ, извѣстныхъ заслугами, а магистерская диссертация Чебышева—Дмитріева: „О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву“, удостоенная Демидовскою премію, считается капитальнымъ вкладомъ въ науку.

Мы и закончили-бы этимъ наши немногія строки о чловѣкѣ, котораго знали лично и очень за многое уважали, предоставивъ другимъ заняться подробной біогра-

фіей покойнаго. Но въ заключеніе не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести нѣкоторыя стихотворенія, какъ образцы музы Александра Павловича, написанныя имъ въ золотое время студенчества для „Молвы“, о которой упомянули выше:

Безпредѣльные, нѣмыя,
Алымъ цвѣтомъ залитыя,
Золотыя волны ржи—
Боже!—какъ вы хороши!

Слышу: пѣсня удалая,
Заунывно-заливная
Раздается вдалькѣ,

Звонко поле оглашая,
И тоскливо замирая
По сверкающей рѣкѣ.

Вечеръ меркнетъ; звуки льются;
Тихо спать, не колыхнутся
Золотыя волны ржи.....

Вечеръ свѣжій и румяный,
Потемнѣвшія поляны—
Боже! какъ вы хороши.

Или:

Не пой этой пѣсни! Она мнѣ
Иные напомнила дни,
Счастливое время.... Бывало—
Ее я слыхала, пѣвала....
Тѣ дни.... Укатились они!

И вотъ, позабытые, снова
Воскресли они предо мной!
И катятся слезы неволью....
На сердцѣ такъ грустно, такъ больно....
Не пой этой пѣсни! Не пой!

Александръ Павловичъ умеръ отъ чахотки, отъ этого неумолимаго недуга, который свелъ въ могилу массу нашихъ лучшихъ литературныхъ силъ. Покойный поселился въ Петербургѣ съ 1865 года. Состоя профессоромъ петербургскаго университета, онъ находилъ время читать лекціи также и въ военно-юридической академіи, и въ училищѣ правовѣдѣній, не считая читаннаго имъ курса судоустройства для судебныхъ чиновъ морскаго вѣдомства. Среди серьезныхъ научныхъ трудовъ онъ посвящалъ не мало времени литературѣ. Но петербургскій литературный міръ, которому впоследствии всецѣло отдалъ

себя Александръ Павловичъ, не былъ въ состояніи дать нравственнаго удовлетворенія его богатой и честной натурѣ. Онъ слегъ въ постель и смежилъ свои очи гораздо раньше, чѣмъ могъ произнести желанныя слова другаго поэта:

Чтобъ умереть я могъ спокойно,
Отдайте мнѣ просторъ полей....
Я задыхаюсь въ этомъ узкомъ,
Противномъ мірѣ торгашей....

Оканчивая нашъ очеркъ, прибавимъ, что сказали что знали. Если гдѣ ошиблись или впади въ неточность, просимъ поправить.

Н. Агафоновъ.

ШКОЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

(По случаю недавного юбилея Михайловскаго приходскаго училища).

Благословите, братцы, старину сказать,
Какъ-бы старину стародавнюю,
Какъ-бы въ стары годы, прежніе,
Въ тѣ времена первоначальныя....

И. П. Сахаровъ.

12 августа 1855 года отецъ мой, уступая навойливымъ просьбамъ, съ которыми я приставалъ къ нему чуть не каждый день, повелъ, наконецъ, меня въ Михайловское приходское училище, помѣщавшееся въ небольшомъ каменномъ домѣ на оградѣ Тихвинской церкви. Съ трепетнымъ сердцемъ шагаль я босыми ногами по пыльнымъ, немощенымъ улицамъ нашей отдаленной отъ центра города окраины. Чувствовалось въ этомъ трепетѣ что-то среднее между страхомъ и радостью, какъ бываетъ всегда передъ снятіемъ завѣсы съ неизвѣстнаго. Идя дворомъ училища, покрытымъ сплошь зеленою травой, мы прежде всего зашли къ сторожу, котораго увидѣли въ маленькое окошко, выходившее изъ подвального этажа. Сторожъ, какъ пушкинскій рыбакъ, „жилъ со своею старухою въ ветхой землянкѣ ровно тридцать лѣтъ и три года“. И дѣйствительно, этотъ старый инвалидъ, служившій нѣкогда у Аракчеева, когда сей былъ еще „гатчинскимъ капра-ломъ“, поступилъ въ училище чуть-ли не во дни его основанія. Сторожъ и его старушка оказались очень словоохотливыми, добродушными людьми, въ особенности послѣдняя. Она даже прослезилась, узнавъ, когда разговоръ

коснулся нашей семьи, что я лишился матери на шестомъ году возраста. Чѣмъ-то теплымъ, сердечнымъ повѣяло на меня отъ получасовой бесѣды съ этими простыми и набожными людьми. Таково было первое впечатлѣніе мое въ преддверіи школы. Фактъ, конечно, очень ничтожный самъ по себѣ, но въ извѣстномъ, условномъ, смыслѣ онъ важенъ при первомъ шагѣ, который въ данномъ случаѣ можетъ быть названъ „историческимъ“ въ жизни каждой отдѣльной личности.

— Учись, батюшка, хорошенько: Богъ счастья дастъ!... проговорила старушка, какъ-бы благословляя меня, когда мужъ ея повелъ насъ на верхъ, чтобы показать входъ въ училище.

Я не знаю, зачѣмъ понадобился намъ проводникъ, ибо крыльцо было одно и для всѣхъ было очень наглядно, что оно только и вело въ классы. Отворили дверь. Глухой, сдержанный шумъ, вродѣ жужжанія громаднаго роя пчелъ, охватилъ насъ. Мы остановились въ прихожей съ однимъ окномъ, выходящимъ во дворъ. На окнѣ этомъ возвышалась цѣлая гора шапокъ и фуражекъ. Прямо противъ входной двери стояла вѣшалка, но на ней никакого платья не висѣло, потому что время было теплое, а всего вѣроятнѣе потому, что каждый почти ученикъ этой школы имѣлъ полное право сказать о себѣ: „omnia mea mecum porto“. Налѣво, въ отворенную дверь, виднѣлись длинные узкіе столы (парты), за которыми двигались бѣловолосыя головенки мальчугановъ. Направо тоже отворенная дверь, ведшая въ пустую на этотъ разъ, просторную и свѣтлую комнату съ развѣшанными по стѣнамъ картами съ церковнымъ, гражданскимъ и прописнымъ текстомъ, крупнымъ и мелкимъ. Между картами помѣщались длинные щеты, на которыхъ ученики дѣлали первые четыре арифметическія дѣйствія. Большіе изъ прутковаго желѣза, толщиной въ большой палецъ, полукруги окаймляли группы только-что поименованныхъ школьныхъ принадлежностей. Простоявъ минуты двѣ-три въ передней, мы увидѣли учителя, который, узнавъ, что привели новаго ученика, незамедлилъ подойти къ намъ. Это былъ незабвенный и дорогой нашему сердцу Степанъ Маріоновичъ Кафаровъ, фотографическая карточка съ котораго свято берегается мною до настоящаго времени.

— Что сына привелъ? обратился онъ ласково къ отцу.

— Да-съ; не оставьте...

— Доброе дѣло. Ну-ка, поди сюда, „мурушка“.

Степанъ Маріоновичъ повелъ меня черезъ классъ въ

отдѣльную комнату со шкафами и здѣсь предложилъ мнѣ прочесть что-то изъ книги, такъ какъ азбуку я уже зналъ. Тонъ его рѣчи былъ простой, задушевный и нисколько не дѣланный, или приноровленный къ случаю, какой нерѣдко приходилось мнѣ встрѣчать потомъ у многихъ учителей въ обращеніи ихъ съ вновь поступающими учениками. За прочтеніемъ (безъ сомнѣнія, съ грѣхомъ пополамъ), я написалъ мѣломъ на доскѣ какое-то слово и затѣмъ учитель сталъ записывать имя мое и фамилію въ классный журналъ. Меня посадили за „пятый“ столъ, гдѣ начинали читать безъ складовъ и писали на черныхъ деревянныхъ дощечкахъ гусиными перьями, обмакнутыми въ растворъ толченаго мѣла, житкость—на подобіе молока. Отецъ мой ушелъ, и я остался въ кучкѣ самыхъ разнокалиберныхъ сверстниковъ, лѣпившихся плотно другъ къ другу на длинной скамьѣ пятого стола. Большинство моихъ новыхъ товарищей были дѣти „суконычиковъ“ и только двое изъ такъ-называемаго привилегированнаго сословія: сынъ діакона (Николай Новопешинскій) и сынъ чиновника (Иванъ Орловъ). Впрочемъ, съ нами былъ еще единственный во всемъ училищѣ кучеческій сынъ (Гавріиль Пискуновъ), которому я много обязанъ, такъ какъ онъ съ перваго-же дня взялъ меня подъ свое покровительство и не давалъ въ обиду передъ маленькими буянами, которые въ первое время никакъ не хотѣли оставить въ покоѣ „новичка“. Система обученія въ училищѣ была *ланкастеровская* (взаимное обученіе).

Не входя въ подробную сравнительную оцѣнку идеи Ланкастера, особенно съ современной точки зрѣнія,—я позволю себѣ сказать только одно, что система взаимнаго обученія намъ чрезвычайно нравилась и мы (я и мои товарищи) всеноминаемъ ее съ чувствомъ самой глубокой благодарности. Она казалась намъ столь симпатичной, что въ сравненіи съ нею всѣ новѣйшіе приемы и способы первоначальнаго обученія съ разными баклашками (кубиками), подвижными буквами и еще какими-то хитростями, украшающими пресловутый «звуковой методъ»,—представляются намъ совершенно жалкими, исполненными множества лишнихъ и ненужныхъ вещей, баламутицкихъ лишь голову ребенка. Были нерѣдкіе примѣры того, что по «ланкастеровскому» способу выучивали въ Михайловскомъ училищѣ незнавшаго „аза-въ-глаза“ мальчика читать бойко и толково въ два-три мѣсяца времени. А это, полагаю, довольно вѣсское свидѣтельство достоинства усвоенной имъ системы обученія, что—

бы тамъ ни говорили разные противники ея, въ числѣ которыхъ находился, если не ошибаюсь, и тогдашній директоръ училищъ. Другимъ, не менѣе осязательнымъ доказательствомъ преимущества системы Лапкастера можетъ служить тотъ фактъ, что во всѣхъ почти полковыхъ школахъ нашихъ войскъ практикуется эта система до настоящаго времени и только ею единственно и можно объяснить успѣхъ быстрого распространенія грамотности между солдатами, совершающагося въ послѣднее время въ арміи, ввиду всѣхъ, кто хоть мало-мальски интересуется этимъ вопросомъ.

Но я уклонился отъ моей главной цѣли. Буду продолжать начатое.

Учебный день въ нашемъ училищѣ начинался очень рано. Собственно классы начинались съ 8 часовъ утра, но ученики собирались на училищный дворъ часовъ съ 5-ти лѣтомъ и часовъ съ 6-ми въ зимнее время. И это происходило, какъ мнѣ извѣстно, вотъ почему. Принадлежа главнымъ, преобладающимъ образомъ къ бѣднѣйшимъ семьямъ простолюдиновъ, которые вставали наравнѣ съ пѣтухами, чтобы начать свой трудовой день, — дѣти, дабы не мѣшать домашнимъ, выпроваживались въ школу обыкновенно тотчасъ-же, лишь только протрутъ свои заспаннныя глаза. Да и сами ребятишки спѣшили всегда пораньше улечься изъ дома, гдѣ имъ доставалось гораздо больше неприятностей, нежели въ училищѣ. Здѣсь товарищи, игры, обмѣнъ картинокъ, а иногда перепадетъ нѣчто и по части лакомства: кто-нибудь принесетъ въ классъ рязани (зеленыя мерзлыя яблоки), клюквы, рѣпы или лепешекъ. Тамъ-же, дома, ворчатъ, заставляють дѣлать что-нибудь непосильное, подзатыльниковъ даже надають. Ну и бѣжать въ училище, едва лишь забрежжитъ на востокѣ утренній свѣтъ. Въ подвальномъ этажѣ училища была большая, мрачная комната; въ ней грѣлись мы зимою въ ожиданіи класса. За четверть часа до восьми сторожъ отпираетъ классную дверь и мы размѣстались по столамъ. Столы играли роль классовъ, и переводъ съ одного стола на другой, слѣдующій, составлялъ событіе въ жизни ученика: онъ весь сіялъ отъ радости. За каждымъ изъ столовъ, представлявшихъ длинную парту, сидѣло до 20 и болѣе мальчиковъ. Въ концѣ стола прикрѣплена была толстая палка, на которой держалась черная дощечка съ надписью бѣлыми буквами: „Классъ такой-то“ (т. е. первый, второй и т. д.); на оборотной сторонѣ слово: „кончено“. Этой стороною обо-

рачивалась дощечка при окончаніи классовъ. Такія точно дощечки сохранились теперь въ больницахъ надъ койками. Ученики первыхъ трехъ столовъ писали по песку деревянными, ввидѣ часовыхъ стрѣлокъ, указками, сдѣланными изъ лучинокъ. Песокъ, тщательно просѣянный сторожемъ, насыпался поверхъ стола и держался между бортами его, вышиною въ вершокъ. На четвертомъ и пятомъ писали, какъ я уже замѣтилъ выше, на черныхъ дощечкахъ, разведеннымъ въ водѣ мѣломъ; на шестомъ, седьмомъ и восьмомъ (всѣхъ столовъ было восемь)—на бумагѣ чернилами, сшивая тетрадки непремѣнно въ формѣ альбома. Ровно въ 8 часовъ являлся учитель. При его появленіи сразу утихалъ гамъ и дѣти пѣли: „Царю небесный“. Затѣмъ начиналась обычная команда, существовавшая въ училищѣ съ незапамятныхъ временъ и ужъ конечно едва ли причастная соображеніямъ Ланкастера. О командѣ этой стоитъ упомянуть. Одинъ изъ старшихъ учениковъ 8-го стола (разумѣется, старшихъ по отгѣткамъ, а не лѣтамъ) становился рядомъ съ каѳедрой и выкрикивалъ: *Старшіе по столамъ!* При этихъ словахъ тѣ ученики, которые должны обучать своихъ младшихъ собратій, становились къ ихъ столамъ слѣва. *Старшіе къ ярыкамъ! скорымъ шагомъ маршъ, разъ-два, разъ-два...* Старшіе во время этой команды шли вногу и гусемъ къ командующему и, получивши отъ него ярыкъ (красную жестянку на шнуркѣ, съ надписью: „старшій“), надѣвали его на шею и возвращались на прежнее мѣсто. Затѣмъ командующій продолжалъ: *Весь классъ пальво-кругомъ, къ полукружьямъ маршъ! разъ-два, разъ-два...* Всѣ шли въ другую комнату съ таблицами и щетами, о которой упомянуто мною въ началѣ. Къ простѣнкамъ между окнами этой комнаты прикрѣплены были на шалнерахъ желѣзные полукруги. Стоя у этихъ полукруговъ, какъ въ хороводѣ, мы занимались съ 8-ми до 9-ти ариметикою на щетахъ. Старшій стоялъ въ центрѣ круга и заставлялъ насъ дѣлать сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе, смотря по столу (сложеніе начиналось на 4-мъ столѣ). Дѣленіемъ завершался весь курсъ нашей ариметики. При затрудненіи ученика сдѣлать задачу, „старшій“ объяснялъ ее, какъ умѣлъ, и мы понимали его гораздо скорѣе, нежели учителя, который однакоже строго наблюдалъ за дѣйствіями „старшихъ“ и отвѣтами учениковъ, подойдя то къ тому, то къ другому полукружью; или же, сѣвши на поставленную среди комнаты табуретку, вызывалъ по списку учениковъ и контролировалъ ихъ знанія, совер-

шенно также, какъ дѣлають это на экзаменахъ. Ему всегда было хорошо извѣстно, какой ученикъ въ чемъ слабъ и въ чемъ силенъ.

Когда наступало время кончить арифметику на щетахъ, тотъ же ученикъ звонилъ въ колокольчикъ и снова командовалъ: *Полукружья подлѣть!* „Старшіе“ быстро и ловко поднимали полукружья и зацѣпляли ихъ за крюкъ сверху стѣны. *Весь классъ равняйся! На право-кругомъ, на скамейки маршь! разъ-два, разъ-два...* Когда ученики, идя вногу и тактъ команды, смотря другъ другу въ спину, придуть за столы, старшій командовалъ: *Садись!* и вслѣдъ затѣмъ восклицалъ: *съ катками направо кругомъ, скорымъ шагомъ маршь! разъ-два, разъ-два, налево кругомъ, старшіе графить!* Это значило, чтобы „старшіе“, взявъ въ руки катки, провели ими вдоль столовъ по песку, вслѣдствіе чего поверхность песка становилась гладкой и вдоль ея получались двѣ борозды, вродѣ линеекъ. Въ этихъ линейкахъ писали ученики цифры, такъ какъ теперь шоль урокъ арифметики такъ сказать „начертательной“. Степанъ Ларионовичъ вызывалъ къ большой классной доскѣ нѣкоторыхъ учениковъ и тѣ рѣшали ему задачи мѣломъ, остальные же дѣлали на аспидныхъ доскахъ другія задачи, задаваемые старшими. Въ 10 часовъ раздавался снова колокольчикъ и команда старшаго: *Съ катками на право-кругомъ скорымъ шагомъ маршь! разъ-два, разъ-два, налево кругомъ, старшіе графить!* Старшіе опять уравнивали песокъ, послѣ чего на немъ писать запрещалось. *Старшіе къ сдачѣ прыжковъ, скорымъ шагомъ маршь, разъ-два, разъ-два.* Старшіе снимали съ шеи ярлыки и сдавали ихъ командующему при томъ-же порядкѣ и благочиніи, какой соблюдался при полученіи. *Старшіе къ чтенію вставать.* На остальные два часа, посвященные чтенію и письму, посылались обыкновенно новые старшіе. Ихъ назначалъ первый ученикъ восьмага стола, носившій бляху съ надписью: „надзиратель“ (каковымъ въ описываемое время былъ Василій Егаревъ, а за отсутствіемъ его Тихонъ Дербышинскій). *Старшіе къ прыжкамъ скорымъ шагомъ маршь* и т. д. совершенно также, какъ раньше. *Налево кругомъ къ полукружьямъ маршь...* У полукружья начиналось чтеніе. Старшій вручалъ одному изъ учениковъ желѣзную длинную указку и тотъ читалъ висѣвшую на стѣнѣ таблицу, указывая читаемое. Остальные должны были внимательно слѣдить. Чтеніе было сначала славянское, потомъ гражданское и наконецъ скорописное. По

окончаніи чтенія, то-есть ровно въ 11 часовъ, раздавалась команда и всѣ шли указаннымъ уже порядкомъ къ столамъ, за которыми должно происходить письмо (понынѣшнему—чистописание). На младшихъ столахъ писали буквы и слоги (на песокѣ), на старшихъ—съ прописей, наклеенныхъ на картонъ. Текстъ прописей былъ конечно стереотипный, какъ всегда и вездѣ: „Лучше лишиться тысячи украшеній тѣла, нежели допустить малѣйшее пятно въ душѣ и совѣсти“, или: „Гораздо труднѣе быть мудрецомъ для другихъ, нежели для себя самого“. Во время письма водворялась во всемъ училищѣ тишина, нарушаемая развѣ скрипомъ гусиныхъ перьевъ (стальными писали очень мало, хотя они были терпимы). Въ 12 часовъ отпускали обѣдать. Уходили изъ класса также послѣ команды, которая начиналась при этомъ случаѣ такъ: *По всемъ классамъ поставить „кончено“*. Старшіе оборачивали черныя дощечки. *Съ катками на право крутомъ и проч.* Затѣмъ пѣлась молитва: „Благословенъ еси, Христе Боже нашъ, иже премудры ловцы явлей...“ Расходились мирно и тихо, но за то, очутившись на улицѣ, продѣлывали—„кто во-что гораздъ“....

Въ 2 часа послѣ обѣда опять было ученье, исключая субботнихъ дней. Послѣобѣденные уроки посвящались Закону Божию и письму. Сколько времени они продолжались: часъ или два—припомнить не могу. Закопучителемъ нашимъ былъ священникъ Варлаамской церкви Иванъ Егоровичъ Стратилатовъ, человекъ весьма даровитый, съ академическимъ образованіемъ, но—къ несчастію—имѣвшій большую слабость къ водкѣ, отчего и сошелъ въ преждевременную могилу въ цвѣтъ лѣтъ. Ученики къ нему очень скоро привыкали и, благодаря его простотѣ въ обращеніи съ ними, любили его и были съ нимъ замѣчательно откровенны. Значительный элементъ учениковъ Михайловскаго училища составляли старообрядцы и посѣщеніе уроковъ Закона Божія было для нихъ не обязательно. Но батюшка нашъ пользовался такою популярностью между нами, что дѣти старообрядцевъ охотно шли на его уроки и родители не препятствовали имъ въ этомъ.

Насколько чинна и дисциплинирована была система утреннихъ уроковъ со стороны вѣншности, гдѣ—какъ мы видѣли—простой переходъ изъ одной комнаты въ другую производился не иначе, какъ по строго обдуманному плану, съ неизбѣжной „шагистикой“, присущей общему духу времени,—настолько же проста и „иррегулярна“, если

можно такъ выразиться; была обстановка классовъ нашихъ по Закону Божию. Здѣсь все мы, какъ въ церкви, были равны между собою. Никакихъ „старшихъ“, никакихъ „первыхъ, вторыхъ и т. д.“ столовъ не было, никакихъ бляхъ и ярлыковъ не полагалось. Кто гдѣ сѣлъ, тотъ тамъ и сидѣлъ. Къ священнику относились все запросто, искренно, какъ и онъ къ намъ. Звалъ онъ насъ по фамиліи, но чаще по имени: „Ну-ка, Вася, прочитай мнѣ *Да воскреснетъ Богъ*, или: „а что, Андрюшка, выучилъ ты мнѣ пятую заповѣдь?“ Батюшка нашъ нимало не придирался, если кто изъ учениковъ произносилъ ему молитву въ древне-славянской редакціи и вмѣсто „расточатся врази Его, говорилъ: „разыдутся врази Его“, и никогда не позволялъ себѣ *проѣзжаться* на счетъ „двуперстія“, какъ это дѣлали и дѣлаютъ многіе законоучители начальныхъ школъ.

Мнѣ остается сказать еще два-три слова о нашей тогдашней субботѣ. Въ этотъ день въ училище приходило очень мало учениковъ: не болѣе одной пятой части общаго числа учащихся. Причиной этому было слѣдующее обстоятельство, достойное быть занесеннымъ на страницы мѣстной лѣтописи. Въ Ближне-Архангельской улицѣ въ Казани проживалъ въ собственномъ домѣ купецъ *Иванъ Лазаревичъ Рябчиковъ*, сѣденькій и невзрачный на видъ старичокъ. У него былъ обычай, которому не измѣнялъ онъ до самой гробовой доски, это—обычай раздавать по субботамъ деньги бѣдному люду. Съ раняго утра каждой субботы вся улица, гдѣ проживалъ Рябчиковъ, запружена была народомъ, стекавшимся сюда со всехъ концовъ города и даже изъ деревень. Двѣ или три кадки съ мѣдными деньгами выставлялись на его широкомъ выстланномъ досками дворѣ и всякій бѣднякъ, безъ различія пола, возраста и званія, получалъ „по гривнѣ“ (3 копейки). При наступленіи осенней стужи Иванъ Лазаревичъ, кромѣ денегъ, раздавалъ еще валенки и варьги; которыхъ запасалъ къ этому времени въ огромномъ количествѣ.

Въ заключеніе, позволю себѣ перечислить имена тѣхъ моихъ товарищей, которые выпущены изъ Михайловскаго училища, этой маленькой нашей „*almae matris*“, въ одно съмною время: одна часть для перехода въ уѣздное училище, а другая—болѣе значительная—чтобы прямо приступить къ практической дѣятельности, то-есть къ ремесламъ и торговлѣ. Вотъ эти имена, сохранившіяся въ моей памяти: Степанъ Косаревъ, Петръ Полетаевъ, Данило Казинъ, Степанъ Бѣловъ, Алексѣй Красильниковъ,

Тихонъ и Иванъ Дербышенскіе, Василій и Андрей Еггаревы, Михаилъ Смирновъ, Василій Горячевъ, Николай Новошешминскій, Василій Кузьминъ, Иванъ Орловъ, Илья Крыловъ, Гавріилъ Пискуновъ, Иванъ Пискуновъ, Иванъ Ѳедоровъ 3-й, Николай Веселовъ, Михаилъ Сенюхинъ, Семенъ Шерстобитовъ, Александръ Брагипъ, Захаръ и Степанъ Ѳирсовы, Патрикій Ардашевъ, Иривархъ Пряпшиниковъ, Алексѣй Зихѣевъ, Яковъ Ивановъ, Михаилъ Предтечепскій, Филумень Яковлевъ, Иванъ Рыбниковъ, Владиміръ Андреевъ, Петръ Пыховъ, Ефимъ Скулинъ, Дмитрій Николаевъ, Яковъ Бѣляковъ, Иванъ Матвѣевъ (онъ-же Доликарповъ), Николай и Алексѣй Колокольниковы, Григорій Александровъ, Иванъ Красавчиковъ, Ситновъ, Рахмановъ (привожу однѣ фамиліи; имена забылъ), Максимовъ, Пахомовъ, Квашнинъ, Шестовъ, Штурминъ, Серебряковъ, Воробьевъ. Имъ и посвящаю настоящій очеркъ *).

Этимъ я и закончу свои немудрыя воспоминанія о быломъ, вызванномъ изъ забвенія недавнимъ празднованіемъ юбилея „Казанскаго Михайловскаго училища“. Время, проведенное мною въ уѣздномъ училищѣ, гдѣ я кончилъ курсъ, а также пребываніе въ гимназін и университетѣ,—могутъ послужить предметомъ иного разсказа, можетъ быть болѣе оживленнаго и благодарнаго по содержанию, нежели этотъ; но появленіе такового очерка отлагается до благопріятнаго случая....

Я. Посадскій.

Казань.

Ноябрь, 1883 г

*) Многіе изъ этихъ лицъ присутствовали въ Тихвинской церкви при заупокойной литургіи объ основателяхъ училища, въ день юбилея.

РЕДАКТОРУ „КАМСКО-ВОЛЖСКОЙ ГАЗЕТЫ“.

(Новогодняя дума).

Гдѣ сладкій шопоть
Моихъ лѣсовъ?
Потоковъ ропоть,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы;
Коверъ зимы
Покрывъ холмы,
Луга и доли, и проч.

Е. Баратынскій.

Газеты нѣтъ!
Она погибла
Въ цвѣтѣ лѣтъ....
Нужда пришибла—
Редакторъ тужить
И въ Банкѣ служить....

К. Л—скій.

1 января, 1876 года.
Казань.

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧЪ САДОВНИКОВЪ.

(Некрологическій очеркъ).

Каково матеріальное положеніе провинціального дѣятеля печати?—Совершеннѣйшая нищета, если постороннимъ заработкомъ онъ не обезпечитъ сколько нибудь своего существованія. Для того, чтобы написать одинъ листъ литературнаго произведенія, дѣятель провинціальной печати долженъ иногда написать десять листовъ канцелярскихъ отношеній, докладовъ, журнальных постановленій и т. д.; или для того, чтобы два-три часа въ день посвятить работѣ литературной—онъ долженъ пять-шесть часовъ посвятить на бѣготню по урокамъ и т. п. Тѣ лишенія, труды, опасности и болѣзни, которыми онъ завоевываетъ себѣ право быть писателемъ—дѣлаютъ въ его глазахъ печатное слово предметомъ слишкомъ высокимъ, чтобы относиться къ нему безъ достаточнаго уваженія.... Столичный писатель сплошь и рядомъ пишетъ для того, чтобы заработать себѣ средства къ жизни; провинціальный—наоборотъ—зарабатываетъ средства къ жизни для того, чтобы имѣть возможность писать; или, короче: первый пишетъ, чтобы жить, второй живетъ, чтобы писать....

К. В. Лаврскій.

..... Дмитрий Николаевичъ Садовниковъ родился 25 апрѣля 1847 года въ г. Симбирскѣ, въ домѣ Полянскій, у Петропавловскаго спуска. Отецъ его, Николай Александровичъ Садовниковъ, женатый на Татьянѣ Ивановнѣ Полянскій, симбирской дворянкѣ, былъ долгое время домашнимъ учителемъ у многихъ помѣщиковъ. Онъ получилъ хорошее образованіе въ Педагогическомъ институтѣ при петербургскомъ университетѣ и многое успѣлъ передать сыну. Ранніе годы своего дѣтства Дмитрий Николаевичъ провелъ дома съ теткой и бабушкой, а съ шести

лѣтъ до четырнадцати неотлучно находился при отцѣ. Любовь къ чтенію въ немъ развита была сильно. У отца имѣлась солидная бібліотека и сынъ прочелъ ее всю. Будучи 9-ти лѣтъ, Дмитрій Николаевичъ, живя въ Репьевкѣ у Бестужевыхъ, написалъ большую тетрадь не въ одну сотню листовъ, подъ названіемъ: *Жаркія страны*. Это былъ сборникъ всего имъ прочитаннаго по естественнымъ наукамъ за четыре года. Читать по-русски онъ выучился пяти лѣтъ и очень скоро. Отецъ Дмитрія Николаевича былъ человѣкъ серьезнаго характера и держалъ сына въ большой строгости, отчего послѣдній вышелъ очень тихимъ и скромнымъ человѣкомъ, каковымъ былъ не только въ дѣтствѣ, но и послѣ, въ продолженіе всей жизни. Страсть читать, и писать о прочитанномъ, опять сказалась въ появленіи новой большой рукописи, озаглавленной: *Космосъ для дѣтей*. Его написалъ Садовниковъ тринадцати лѣтъ. Чтеніе русскихъ литераторовъ и поэтовъ повело за собою желаніе подражать имъ и Дмитрій Николаевичъ снова беретъ за перо, изъ-подъ котораго вышли первые его стихотворенія. Это было еще при жизни отца (умершаго въ 1861 году), когда автору было 14 лѣтъ. Послѣ смерти отца Садовниковъ отданъ былъ своею теткой въ симбирскую гимназію. Будучи до этого времени одинокимъ домождомъ, онъ вдругъ очутился среди шумной толпы товарищей. Впрочемъ, его радоваль, какъ и всѣхъ дѣтей, гимназическій мундиръ съ блестящими пуговицами и новыя знакомства. Черезъ годъ опъ уже сдѣлался менѣе застѣнчивымъ мальчикомъ, нежели былъ при отцѣ: товарищи оказали на него свое вліяніе, хотя, какъ уже сказано, особенной бойкости въ немъ никогда не проявлялось. Во время пребыванія своего въ гимназіи Дмитрій Николаевичъ изучилъ довольно обстоятельно одинъ только англійскій языкъ и много переводилъ съ него. Знакомство съ произведеніями англійской литературы отвлекало его отъ занятія математикой, которую онъ понималъ плохо и не долюбивалъ за сухость и, какъ онъ выражался, — за „безсердечность“. Въ 1866 году Садовниковъ кончилъ большой свой поэтическій переводъ Лонгфелловой поэмы: *Пѣснь о Гайаватъ*; но, какъ оказалось, она уже была переведена до него Михаловскимъ, сотрудникомъ „Современника“, и напечатана въ этомъ журналѣ. Вышедши въ 1867 году изъ седьмаго класса, Садовниковъ уѣхалъ въ Москву на деньги, которыя были скоплены даваніемъ уроковъ въ Симбирскѣ. Въ Москвѣ онъ долго не находилъ себѣ занятій и только по про-

шествиі многихъ мѣсяцевъ уѣхаль изъ нея за границу, въ качествѣ учителя англійскаго языка, съ однимъ богатымъ купцомъ. Живя въ Москвѣ, онъ проводилъ время въ постоянномъ чтеніи. Познакомился со всею французскою литературою XVIII столѣтія и много переводилъ. Два стихотворенія его, посланныя въ Петербургъ, были помѣщены въ „Иллюстрированной Газетѣ“ В. Р. Зотова за 1868 годъ. Южная Россія, гдѣ онъ успѣлъ побывать, благодаря любознательности и подвижности своей натуры, произвела на него сильное впечатлѣніе. Онъ прожилъ два мѣсяца въ Одессѣ, былъ въ Константинополь и въ Крыму. Последній особенно ему понравился своимъ голубымъ небомъ, живописными домиками и роскошною растительностію. Къ морю онъ какъ-то даже привыкъ, такъ что потомъ нѣсколько скучаль о немъ. Изъ Крыма онъ пріѣхаль опять въ Москву и, пробывъ въ ней около трехъ мѣсяцевъ, уѣхаль въ свой родной Симбирскъ, на мѣсто домашняго учителя въ одно помѣщичье семейство. Къ этому же времени относится и женитьба его на дочери симбирскаго помѣщика И. Д. Лазарева, Варварѣ Ивановнѣ, которая, къ великому его горю, скончалась черезъ шесть лѣтъ послѣ свадьбы, оставивъ Дмитрію Николаевичу троихъ дѣтей. Овдовѣвши, Садовниковъ жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, печаталъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ свои стихи и этнографическіе отрывки. Онъ никогда не обладалъ достаточными денежными средствами, а въ послѣдніе годы положительно бѣдствовалъ. Ему хотѣлось, ради хоть сколько нибудь сноснаго матеріальнаго благосостоянія поступить на службу. Съ этою цѣлью онъ подыскивалъ такую должность, которая-бы нѣсколько соотвѣтствовала его субъективнымъ наклонностямъ. Симпатією его пользовалась дѣятельность секретаря Губернскаго Статистическаго Комитета и занятіе этнографіей и археологіей. Но попытки въ этомъ родѣ не увѣнчались успѣхомъ, хотя онъ и успѣлъ заявить себя нѣсколькими этнографическими работами, изъ которыхъ самую солидною можетъ быть названа изданная имъ книга: *Загадки русскаго народа*. Сборникъ загадокъ, вопросовъ, притчъ и задачъ (Петербургъ, 1876 г.). Въ этомъ замѣчательномъ трудѣ весь матеріалъ, добытый авторомъ при изученіи и собираніи памятниковъ русскаго народнаго творчества, расположенъ въ строгой научной системѣ, группируя все стороны жизни нашего народа: жилище, тепло и свѣтъ, внутреннее убранство, домашнее хозяйство, утварь, посуду, пищу,

питье, одежду, украшеніе, дворъ, огородъ, садъ, упряжь, земледѣльческія работы, грамоту, книжную мудрость, вѣру, обряды, порядки, понятія о времени, вѣчности, жизни, смерти и душѣ, а также повѣрья изъ міра животныхъ и явленій природы.

Библиографія литературныхъ произведеній Дмитрія Николаевича выражается въ слѣдующихъ чертахъ:

Первыя печатныя строки (двѣ корреспонденціи изъ Симбирска) были написаны имъ въ 5 классѣ гимназіи и напечатаны въ *Сѣверной Пчелѣ* за 1864 годъ, за подписью: „Ю. Подгоринъ“.

Первыя стихотворенія: изъ Лонгфелло „Стрѣла и пѣсня“ и оригинальное: „Первый снѣгъ“ помѣщены въ „*Иллюстрированной Газетѣ*“ 1868 г. № 47, съ подписью: С—ъ.

Въ 1872 году: въ „*Грамотѣ*“, издававшемся въ Москвѣ, напечатаны два перевода его изъ Лонгфелло и побасенка: „Лѣнь перекатная“. Въ „*Бесѣдѣ*“: „Жигули и Усолъе на Волгѣ“.

Въ 1873 году: стихотвореніе: „Усолка“ въ „*Семь и Школѣ*“ и „Подвиги русскихъ людей“ (рядъ статей) въ *Грамотѣ*.

Въ 1874 году: рядъ статей, безъ подписи, въ „*Нивѣ*“ по этнографіи, географіи и исторіи, и въ „*Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*“: „Этнографическіе матеріалы Поволжья“. Въ этомъ-же году „Подвиги простыхъ русскихъ людей“ вышли въ Москвѣ отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: „*Наши землепроходцы*“. (Разказы о заселеніи Сибири). Довольно лестные отзывы объ этой книжкѣ были помѣщены въ *Дѣль* и *Народной Школѣ*, съ указаніемъ, впрочемъ, на нѣкоторые промахи и недостатки.

Въ 1875 году: рядъ статей, безъ подписи, въ *Нивѣ* и переводъ изъ Э. Золя въ *Пчелѣ*. Отдѣльно вышли въ этомъ году: *Норвежскія сказки*. Двѣ лестныя рецензіи сказокъ были въ *Голосъ* и *Педагогическомъ Листкѣ*.

Въ 1876 году: Сказка въ стихахъ: „Попутный вѣтеръ“ въ *Вѣстникѣ Европы* и тамъ-же переводъ изъ Байроновскаго „Манфреда“. Въ этомъ году вышелъ его сборникъ: *Загадки русскаго народа*, упомянутый нами выше. О немъ были лестные отзывы въ *Гражданинѣ* и *Филологическомъ Вѣстникѣ*. Къ этому же году относятся рядъ статей и стихотвореній, безъ подписи, въ *Нивѣ*.

Въ 1877 году нѣсколько статей, безъ подписи, въ *Нивѣ*, *Кругозорѣ* и стихотворенія: „Лазурной равниной“, „Ребенку“, „Въ степи“ и „Я не рожденъ для злобы дня“—въ *Вѣстникѣ Европы*.

Въ 1878 г. стихотвореніе: „На съ экклезіастомъ“ въ *Свѣтъ*.

Въ 1879 году стихотворенія въ *Огонькъ*: „Изъ веселыхъ пѣсенъ“. Изъ Бушора, Сюлли, Терье. Изъ современнаго Фауста. Разсказъ: „Какъ онъ вѣдиль въ Персію“ (подписано: „Жанристъ“) и „Аннабель-Ли“ (стихотвореніе изъ Э. По.) Въ *Живописномъ Обзорѣнн* стихотвореніе „Аистъ“ (переводъ изъ Петёфи). Въ *Еженедѣльномъ Новомъ Времени*—стихотвореніе изъ Свинберна и разсказъ: „Шуть“. Въ *Стрекозъ* рядъ фелъетоновъ: „На поляхъ книгъ“ за подписью „Неонъ 2-й“. Въ *Будильникъ* стихотвореніе: „Странствующіе комедіанты“ (изъ Бушора), „Ахъ надо мной мои друзья“ (оттуда же), переводъ изъ Гонгоры и др.

Въ 1880 году въ *Огонькъ* оригинальныя стихотворенія: „Сонъ“, „Тоска“, „Пѣсня волосистой ржи“, „Полонянка“ и „На открытіе памятника Пушкину“. Въ *Словъ* стихотвореніе: „Надѣйся и новаго дня подожди“ и друг. Въ *Живописномъ Обзорѣнн* разсказъ: „Сила Ерофеичъ“ и переводъ изъ Бушора. Въ *Будильникъ*: стихотвореніе „Тройка“ и друг.

Въ 1881 году въ *Огонькъ*: „Король Фьязаръ“ (изъ Рунберга). Въ *Словъ*: „Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ“; въ *Иллюстрированномъ Мирѣ*: „Изъ пѣсенъ объ умершей“; въ *Осколкахъ*: „На распуты“; въ *Живописномъ Обзорѣнн*: „Пѣвецъ“; въ *Всемирной Иллюстраціи*: „Названецъ“, „Дорогой“ и „Путеводныя звѣзды“; въ *Модиомъ Свѣтъ*: „Ночная греза“, „Лѣтняя сказка“ и „Я искалъ тебя, я ждалъ...“; въ *Новомъ Русскомъ Базарѣ*: изъ Сюлли: „Изъ старыхъ пѣсенъ“ и друг.

Въ 1882 году въ *Волжско-Камскомъ Словѣ*: „Письма изъ Петербурга“, за подписью: С—ъ, и въ столичныхъ журналахъ.

Въ 1883 году въ *Волжскомъ Вѣстникѣ*: „Атаманъ и есаулъ“ и „Изъ волжскихъ пѣсенъ“ (три стихотворенія), и въ столичныхъ журналахъ.

Скажу, въ заключеніе, два-три слова изъ моихъ воспоминаній о покойномъ поэтѣ-этнографѣ, съ которымъ былъ знакомъ лично. Насъ познакомили Гавріиль Никитичъ Потанинъ, маститый писатель-беллетристъ и тоже симбирскій уроженецъ, авторъ длиннаго романа: „Старое старится, молодое растеть“, который такъ и не кончился въ „Современникѣ“. Садовниковъ, несмотря на скудость своего финансоваго бюджета, умѣлъ все-таки откапывать у букинистовъ рѣдкія библиографическія вещи, роись въ ихъ ларяхъ и палаткахъ. Собираніе книгъ и рукописей

по устной народной словесности и апокрифической литературѣ—было задачею его жизни. Небольшая, но прекрасная библіотека Садовникова составляла единственное его утѣшеніе во дни душевныхъ невгодъ, которыя посѣщали его очень нерѣдко.... Въ послѣднее время вся его литературная дѣятельность была посвящена міру „сказокъ и легендъ“ русскаго народа и обширный трудъ его изъ этой области печатался, если не ошибаемся, на средства „Географическаго Общества“, благодаря просвѣщенному содѣйствію извѣстнаго русскаго этнографа Д. Н. Майкова. Мы съ большимъ удовольствіемъ проводили время въ обществѣ Д. Н. Садовникова, слушая его поэтическія картины волжской удачи, слававшіяся экспромтомъ въ его талантливомъ, творческомъ умѣ. Въ послѣдній разъ мы видѣлись въ концѣ августа прошлаго 1883 года, когда Д. Н. Садовниковъ пріѣзжалъ въ Казань, съ цѣлію занять мѣсто секретаря здѣшняго Губернскаго Статистическаго Комитета, оставшагося вакантнымъ за выходомъ Н. Н. Вечеслава. Попытка Садовникова успѣхомъ не увѣнчалась. Эта и другія неудачи въ томъ-же направленіи сломили окончательно его и безъ того некрѣпкое здоровье. Онъ умеръ въ клиникѣ профессора Боткина, въ Петербургѣ, 19-го декабря 1883 года, предоставляя пріятелямъ своимъ повторять стихи поэта:

Ты схороненъ въ морозы трескучіе,
 Жадный червь не коснулся тебя;
 На лицо, черезъ щели гробовыя,
 Проступить не успѣла вода.
 Ты лежишь, какъ сейчасъ похоронный,
 Только словно длиннѣй и бѣлѣй
 Пальцы рукъ, на груди твоей сложенныхъ,
 Да сквозь землю проникнувшимъ ивеемъ
 Убѣлили твои кудри морозъ,
 Да слѣды наложили чуть видныя
 Поцѣлуи суровой зимы
 На уста твои плотно сомкнутыя
 И на впалыя очи твои.....

Что стало съ его бѣдными сиротами-малютками?

И. Агафоновъ.

Казань
 3 января, 1884 года.

ВОСПОМНАНІЕ ОБЪ П. А. ШИДЛОВСКОМЪ И ЕГО БИБЛИОТЕКЪ.

Смерть жатву жизни косить, косить....
Кн. Вяземскій.

Въ понедѣльникъ, 27-го февраля 1884 года, скончался Иванъ Андреевичъ Шидловскій, судебный приставъ казанскаго окружнаго суда, а 29-го числа происходили его похороны. Имя этого челоуѣка было когда-то очень популярнымъ въ Казани. Библиотека, которую содержалъ покойный съ 1864 по 1872 годъ включительно, считалась лучшею въ городѣ. Почтенный владѣлецъ ея не жалѣлъ средствъ для этой библиотеки и убилъ въ нее всѣ свои гроши, которые сберегъ въ теченіе многихъ лѣтъ труженической жизни. Личность Ивана Андреевича Шидловскаго была симпатичною для всякаго, кто хоть немного успѣлъ узнать его ближе и кто не утратилъ способности цѣнить въ людяхъ честность и прямоту характера, неподкупность и благородство убѣжденія, — качества, которыя всегда украшали нравственный обликъ усоншаго, вполне заслуживающаго того, чтобы сказать о немъ въскольکو біографическихъ словъ.

Сынъ небогатаго дворянина Сандомірской (нынѣ Радомской) губерніи, Иванъ Андреевичъ родился 8 марта 1822 года, въ селеніи Стржижевѣ, Грубешевскаго уѣзда. Отецъ его, служившій комиссаромъ казенныхъ имуществъ Сандомірской губерніи, умеръ очень рано, оставивъ двухъ сыновей: Юліана и Ивана. Первыи изъ нихъ посвятилъ себя военной службѣ, поступивъ въ нее добровольно еще мальчикомъ. Съ 1835 до конца пятидесятихъ годовъ онъ

служилъ въ Казани при окружномъ генералѣ 4-го округа внутренней стражи. А Иванъ Андреевичъ съ юношескихъ лѣтъ жилъ въ имѣніи помѣщика Фіалковскаго, брата извѣстнаго въ свое время архіепископа варшавскаго. Здѣсь онъ былъ не то въ роли гувернера, не то въ качествѣ управляющаго, вѣрнѣе—тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Впрочемъ, пребываніе его въ домѣ Фіалковскаго не было продолжительнымъ. 19-ти лѣтъ онъ поступилъ на общественную службу въ должности гминнаго войта сначала въ Болешинѣ, потомъ въ Носовѣ, Скалахъ и Пенкославицахъ, казенныхъ имѣнійхъ Радомской губерніи.

Служба въ званіи гминнаго войта производила на Ивана Андреевича самое удручающее впечатлѣніе. Кто хоть мало-мальски знакомъ съ обязанностями ея, тотъ легко пойметъ, почему всякій свѣжій человѣкъ, съ чистыми памѣреніями и впечатлительной душой, не искушенной житейскими дразгами, крайне тяготился ролью гминнаго войта, особенно въ тѣ времена, которыя наши старички любятъ называть „блаженными“. Но куда было дѣваться молодому челоуѣку, небогату, неопытному, безъ связей и всякой нравственной поддержки? Это былъ самый горькій періодъ въ жизни Ивана Андреевича. Въ „Запискахъ“, оставленныхъ покойнымъ въ рукописи, онъ очень невеликими красками описываетъ служебную профессію гминнаго войта и ту обстановку, при которой постоянно приходилось дѣйствовать этой „власти“.

Однако вырваться изъ этой удушливой сферы Ивану Андреевичу удалось не раньше, какъ лѣтъ черезъ пять. При содѣйствіи брата своего, Юліана Андреевича, служившаго въ Казани адъютантомъ у корпуснаго генерала Н. Я. Мавдрыки, Иванъ Андреевичъ перебрался на жительство въ нашъ городъ, поступивши въ штатъ канцеляріи казанскаго воежнаго губернатора, каковымъ былъ въ то время Ираклій Абрамовичъ Боратыпскій, братъ извѣстнаго поэта. Это было осенью 1847 года. Въ апрѣлѣ 1849 года Иванъ Андреевичъ перемѣщенъ былъ въ казанское губернское правленіе, а черезъ два года назначенъ помощникомъ столоначальника казанской комиссаріатской комиссіи. Въ іюлѣ 1853 года Ивана Андреевича перевели въ Пермь на должность комиссара мѣстнаго, военнаго госпиталя. Живя здѣсь, онъ познакомился съ домомъ совѣтника пермскаго губернскаго правленія Михаила Дементьевича Савицкаго, на дочери котораго, дѣвицѣ Надеждѣ Михайловнѣ, и женился 26-го августа 1855 года. Она была родная племянница (по матери),

известному архитектору и библиотекарю Императорской публичной библиотеки В. И. Соболевскому, которому наше отечественное книгохранилище обязано многими, — очень существенными улучшениями, а библиографическая литература — серьезными, научными вкладами в нее.

В 1856 году Иванъ Андреевичъ, перемѣщенный комиссаромъ въ казанскій военный госпиталь, переѣхалъ снова въ Казань. Служа здѣсь, ему посчастливилось получить агентуру большой польской лоттереи, предпринятой съ Высочайшаго разрѣшенія. Разыгрывались имѣнія въ Ловичскомъ уѣздѣ, Варшавской губерніи, *Шимановъ* и *Сероки*. Агентура эта, стоившая Ивану Андреевичу многихъ хлопотъ и отнимавшая не мало времени, дала однако возможность покойному заработать 2—3 тысячи рублей, съ которыми онъ и успѣшилъ выйти въ отставку, предпочтя заняться частнымъ трудомъ.

Но на какого рода свободномъ занятіи остановиться было ему свои помыслы? Задача нелегкая. Хотѣлось, чтобы избранный трудъ былъ деликатный, способный не повредить доброй репутаціи, сохраненной въ чистотѣ. Судьба его вскорѣ выручила: въ Казани продавалась большая, но находившаяся въ хаотическомъ состояніи частная библиотека. Иванъ Андреевичъ рѣшился купить ее, съ цѣлью открыть для публики, приведя въ порядокъ книги и пополнивъ вновь изданными. Мысль была вполне счастливая, ибо въ Казани не было въ то время ни одной библиотеки, если не считать находившуюся при книжномъ магазинѣ купца А. Г. Мясникова библиотеку старыхъ книгъ, мало доступную большинству какъ по довольно высокой платѣ за чтеніе, такъ и благодаря отсутствію каталога и новостей. Библиотека, которую купилъ Иванъ Андреевичъ за полторы тысячи рублей, принадлежала капитану Н. И. Кунавину, казначею казанскаго училища военнаго вѣдомства; она состояла исключительно изъ романовъ, большею частію переводныхъ, и разбитыхъ книжекъ журналовъ прежнихъ лѣтъ. Почти столько-же пришлось затратить въ нее новому владѣльцу, чтобы сдѣлать библиотеку отвѣчающей требованіямъ самаго взыскательнаго *интеллигентнаго* читателя. Отдѣлы по естествознанію и исторіи нужно было организовать заново. Масса книжнаго хлама, вродѣ соч. г-жи Радклиффъ, выброшена и замѣнена классическими вещами, какъ Гумбольдта (Космосъ), Соловьева (Исторія Россіи) и многими юридическими сочиненіями, спросъ на которыя былъ въ то время громадный, ввиду приближенія судебной ре-

формы. Каталогъ, напечатанный И. А. Шидловскимъ вслѣдъ за открытіемъ библіотеки, свидѣтельствовалъ о полномъ стараніи, приложенномъ для сосредоточенія въ ней всего выдающагося въ то время въ учено-литературномъ мірѣ. Лучшій изъ русскихъ библіографическихъ журналовъ, „*Книжный Вѣстникъ*“, руководимый такимъ знатокомъ литературы, какъ П. А. Ефремовъ, разбирая каталогъ, сдѣлалъ самый лестный отзывъ о библіотекѣ Ивана Андреевича и поощрилъ дальнѣйшіе труды его на этомъ поприщѣ. Нѣтъ надобности говорить о томъ, что общество казанское было безконечно много благодарно покойному, который съумѣлъ съ строгимъ и богатымъ выборомъ книгъ соединить легкость условій подписки на чтеніе. Студенты, чиновники, духовенство, офицеры и прикащики—можно сказать хлынули въ библіотеку И. А. Шидловскаго и брали книги наразхватъ. Городской библіотеки еще не было открыто, читаленъ никакихъ въ городѣ не полагалось, кромѣ дворянскаго клуба. Соединеннаго собранія не существовало, прикащичьскаго общества—тоже. Купеческій клубъ былъ еще вновь и написанные въ него журналы валялись въ домахъ членовъ неразрѣзанными. Слѣдовательно библіотека И. А. Шидловскаго была для Казани сущее благодѣяніе. Вотъ что, между прочимъ, говорилъ о ней неизвѣстный авторъ, очевидно путешественникъ, въ письмѣ своемъ въ редакцію „*Биржевыхъ Вѣдомостей*“: „Въ статьяхъ „О городскихъ библіотекахъ“, помѣщенныхъ въ „*С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*“ 1859 и 1860 гг. мы выразили мысль, что библіотеки для нашихъ городовъ, особенно провинціальныхъ, крайне необходимы. Посѣтивъ до того времени, и послѣ, многіе города; мы—къ сожалѣнію—нигдѣ не находили библіотекъ, сколько нибудь оправдывавшихъ свое названіе. Наконецъ дожили мы до счастья пайти городскую библіотеку въ Казани, основанную въ 1864 году и *вполнѣ усовершенствованную* къ 1866 году. Говоримъ о казанской библіотекѣ Ивана Андреевича Шидловскаго. Дѣятель этотъ взялся за дѣло съ полнымъ знаніемъ его и достаточною энергіею. Приобрѣти покупкою безтактное сборище книгъ, онъ привелъ его въ подлежащій порядокъ и дополнилъ такъ, что въ настоящее время никто изъ разнородныхъ жителей Казани не остается и не можетъ остаться неудовлетвореннымъ. Здѣсь вполнѣ примѣнима поговорка: „чего хочешь, то и просишь“. Сверхъ того, библіотеку эту можно назвать въ прямомъ и полномъ смыслѣ книгохранилищемъ, такъ какъ всѣ книги, до 2

тысячъ названій и 5 тысячъ томовъ, обернуты въ чистую бумагу, на которой наклеены надписи заглавій, годовъ и авторовъ. Какъ-то особенно пріятно взглянуть на этотъ чистый нарядъ,—книги точно барышни какія, одѣтыя всё въ бѣлыя платья и готовые явиться въ свѣтъ. Съ перваго января 1866 г. при библіотекѣ г. Шидловскаго открытъ кабинетъ для чтенія, который и въ столицахъ обратилъ-бы на себя вниманіе. При изящной обстановкѣ находятся въ немъ всё современные русскіе журналы и газеты. Намъ остается отъ души пожелать, чтобы г. Шидловскій не утомился своимъ благороднымъ трудомъ и большими издержками, и чтобы публика поддержала это полезное, пріятное и необходимое учрежденіе. (См. „*Биржевыя Вѣдомости*“, № 18, отъ 23 января 1866 г.).

Открытый при библіотекѣ кабинетъ для чтенія дѣйствительно превосходилъ по своей обстановкѣ самый утонченный вкусъ въ этомъ направленіи. Теплая свѣтлая комната окружена была новою мягкою мебелью. По серединѣ стоялъ длинный покрытый клеенкою столъ, съ разложенною на немъ почти всею тогдашнею періодическою печатью. Большой коверъ покрывалъ полъ. У одной изъ стѣнъ, увѣшанныхъ картами и портретами знаменитостей литературнаго міра, помѣщалось высокое зеркало съ столикомъ, на которомъ лежала бѣловая книга съ слѣдующею надписью: „Покорнѣйше просить г.г. посѣтителей записывать въ эту книгу свои замѣчанія, клонящіяся къ лучшему благоустройству библіотеки и кабинета для чтенія вообще, съ подробнымъ указаніемъ на сочиненія, а также журналы, приобрѣтеніе которыхъ можетъ быть полезнымъ для читающихъ. Каждое заявленіе въ подобномъ родѣ будетъ принято съ благодарностію и, по мѣрѣ возможности, приведено въ исполненіе. Заявленія, за подписью заявившаго, слѣдуетъ писать въ первой графѣ, а отмѣтки о исполненіи будутъ дѣлаться во второй графѣ“.

Такая въ высшей степени любезная предупредительность хозяина, безъ сомнѣнія, достойна полного, благодарнаго подражанія; но нашлись люди, которые воспользовались этою любезностію нѣсколько оригинально и изуродовали идею добрѣйшаго Ивана Андреевича. Въмѣсто дѣльныхъ замѣчаній, они, эти любители вписывать свои „взгляды“, превратили книгу въ орудіе полемики, дошедшей до личной перебранки... Вотъ нѣсколько обращиковъ, взятыхъ изъ этой книги, сохранившейся въ бумагахъ покойнаго: „Прошу приобрѣсти *Очерки русской литературы*, Карамлова. *Изъ Ивановъ*“. Заявленіе это сдѣлано подписчи-

комъ библіотеки и посѣтителемъ кабинета. Прочитавъ это, другой посѣтитель, скрывшій свое имя подъ буквами: *П. В.*, возражаетъ: „А читали-ли Вы, г. Ивановъ, отзвѣвы объ этой книгѣ въ русской прессѣ?“ Книга Караулова тѣмъ не менѣе была немедленно приобрѣтена библіотекою. Другое заявленіе: „Нельзя-ли выписать *Домашнюю Бесѣду*? Не худо было-бы имѣть и этотъ серьезный православный журналъ. *Студ. Оаворскій*“. На это мнѣніе послѣдовалъ въ книгѣ, тоже отъ неизвѣстнаго, слѣдующій отвѣтъ: „Вы, г. Оаворскій, ужь никакъ рехнулись совсѣмъ, когда предлагаете выписывать этотъ курьезный журналъ. Для одного Васъ выписывать *Домашнюю Бесѣду* было-бы крайне неразсчитливо“. Ивана Андреевича коробило отъ такого „обмѣна мыслей“. Кто-то записалъ, что не мѣшало-бы имѣть въ библіотекѣ соч. *Вудта*: „Душа чело-вѣка и животныхъ“. Книга эта уже имѣлась въ библіотекѣ и авторъ заявленія просто просмотрѣлъ ее въ каталогѣ; хозяинъ библіотеки скромно возстановилъ истину, но нѣкто нашелъ не лишнимъ высказать въ книгѣ заявленій по поводу этого слѣдующія соображенія: „Какая наивность! Библіотека и кабинетъ, какъ можетъ видѣть всякій, способны удовлетворить умственнымъ потребностямъ каждаго интеллигентнаго чело-вѣка... Если пѣтъ въ ней нѣкоторыхъ книгъ, напримѣръ: „Душа чело-вѣка и животныхъ“, такъ это не отъ недостатка эстетическаго вкуса въ книгопродавцѣ и нежеланія его пополнить свою библіотеку современными книгами, а просто вслѣдствіе равнодушія и непоощренія книгопродавца обществомъ этой многоцеремонной татарской столицы. Равнодушіе казанской публики къ библіотекѣ (вѣроятно онъ хотѣлъ сказать: къ кабинету) вовсе ужь неизвинителны. Разсматривая ближе каталогъ библіотеки, нельзя не видѣть, что въ составѣ ея преобладаютъ книги по наукамъ естественнымъ, беллетристичѣскѣ, но очень мало книгъ, относящихся къ исторіи Россіи, ея древностямъ, источниковъ для нея. А между тѣмъ хозяинъ позаботился о приобрѣтеніи и такихъ милыхъ изданій, какъ *Юрій Милославскій* и другія въ этомъ родѣ“. Замѣчаніе это, изложенное въ подлинникѣ недовольно строго въ смыслѣ „грамматикѣ“, хотя и подписанное студентомъ, вызвало сразу два протеста. Одинъ изъ нихъ написанъ неизвѣстнымъ, который сдѣлавъ въ текстѣ оригинала орфографическія поправки, просилъ автора заплатить ему за „корректуру“. Другой протестъ былъ уже совсѣмъ оскорблителенъ для автора вышеприведеннаго заявленія. Впрочемъ возражатель под-

писалъ его полнымъ именемъ: „Отъ вашихъ замѣчаній на счетъ библіотеки г. Шидловскаго,“ говоритъ рецензентъ заявленія, такъ и разить семинаризмомъ нисшаго качества. Вы бы лучше молчали, а то только своими, безтолковыми и глупыми протестами и замѣчаніями смѣщите добрыхъ людей. Лучше доучивайтесь, когда еще мало во всемъ смыслите“.

Видя, какое направленіе получила „книга, заявленій“, Иванъ Андреевичъ заблагоразсудилъ убрать ее вовсе, опасаясь, какъ-бы характеръ „теоретическихъ объясненій“ не перешелъ на болѣе реальную почву между спорящими, которые легко могли встрѣтиться въ библіотекѣ и устроить „боксъ“.

Кромѣ устройства кабинета для чтенія, И. А. Шидловскій задумалъ открыть при своей библіотекѣ книжную торговлю, организовавъ ее на такихъ-же рациональныхъ началахъ, на какихъ основа на имъ библіотека. Всегда прямой, безхитростный и безкорыстный, готовый ежеминутно подчиняться всякому благородному движенію души, Иванъ Андреевичъ, недолго думая, собрался въ Петербургъ и Москву за книгами, привезъ ихъ около десятка коробовъ и открылъ магазинъ. Но дѣло это не пошло. Да и какъ могло оно имѣть желаемый успѣхъ, если въ торговцѣ не было и тѣни тѣхъ приемовъ и тѣхъ условій, которые только и дѣлають человѣка „коммерческимъ“. Отсутствіе известной въ торговомъ мѣрѣ ловкости и смѣтливости, неумѣніе и нежеланіе своеобразно понимать законы нравственности съ одной стороны, а съ другой—недостатокъ приличнаго денежнаго капитала—были главнѣйшими и единственными причинами того, что созданный идеаль о развитіи книжнаго дѣла въ провинціи „на новыхъ началахъ“ рухнулъ при первомъ шагѣ. Мы ни сколько не сомнѣваемся, что такой человѣкъ, какъ И. А. Шидловскій, при его энергіи и предприимчивости, при его безусловной вѣрѣ въ добро и истину, добился-бы многого и съ небольшими сравнительно матеріальными средствами, еслибы приходилось дѣйствовать безъ помѣхъ и противодѣйствія со стороны конкурентовъ, вродѣ пресловутыхъ Леухиныхъ и Манухиныхъ, сильныхъ своею живучестью. Про книжный магазинъ И. А. Шидловскаго можно сказать, что онъ „отцвѣлъ, не успѣвши разцвѣсть“, оставивъ хозяина въ долгахъ, которые уплачивалъ онъ потомъ очень долго съ большими лишеніями.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Казани появилось еще нѣсколько частныхъ библіотекъ, открытыхъ для ду-

блики. Библиотека д-ра медицины А. Н. Соловьева была очень солидна; за то остальные: архитектора П. А. Солнцева и отставного судебного следователя С. В. Степанова — не представляли ничего серьезного, почему и принуждены были вскоре ликвидировать свои дела, каждая по своему (Солнцевская библиотека продана с аукциона в 1872 году). Тем не менее однакоже, библиотеки эти составляли очень чувствительную конкуренцию И. А. Шидловскому. Подписчики должны были разделиться и до половины общего их числа пасть на долю новых библиотек. Ушли прежде всего люди из числа тех, которые падки на дешевизну, не разбирая качества потребляемого продукта. Студенты перешли в библиотеку Соловьева, так как там предоставлялись им особенные льготы и удобства.

В виду уменьшения подписчиков, Ивань Андреевич, усталый, измученный неудачами по книжной торговле и издательской деятельности, которую тоже пробовал, решился продать свою библиотеку, стоившую ему столько хлопот, усилий и затрат. Ему необходимо было снова поступить на службу, чтобы иметь хоть скольконибудь определенное обезпечение, тем больше, что к этому времени стали подрастать его дети, для воспитания которых покойный не жалел ни сил, ни средств, ничего на свете. В 1872 году, весной, состоялась продажа библиотеки И. А. Шидловского, с разсрочкою платежа. Ее купил Ивань Алексеевич Шерстневъ, человек очень трудолюбивый и преданный делу, за которое взялся, но в сожальную, рано похищенную смертью...

В первое время послѣ продажи своего сокровища, Ивань Андреевич уѣхалъ съ семействомъ на сѣверныя воды въ Пермскую губернію. Потребность въ отдыхѣ и поправленіи здоровья была очень серьезна и настоятельна. Лѣто 1872 года, проведенное имъ „на ловѣ природы“, вдали отъ шума и суеты городской жизни, доставило ему возможность записаться силами, необходимыми для новой деятельности. Деятельность эта, впрочемъ, не была определена до самой зимы и только въ декабрѣ этого года ему удалось получить мѣсто судебного пристава при канцелярскомъ окружномъ судѣ. Служба эта не вполне соответствовала его наклонностямъ, а въ некоторыхъ своихъ деталяхъ совсѣмъ не нравилась ему, по вѣдь малоли что намъ не нравится!

За два года до своей кончины Ивань Андреевичъ потерялъ свою жену, достойнѣйшую изъ женщинъ. Она во всѣхъ пере-

одахъ его трудовой жизни была ему истиннымъ другомъ-утѣшителемъ; поддерживала своимъ высокимъ нравственнымъ вліяніемъ изнемогавшій по временамъ духъ своего мужа и несла по-поламъ съ нимъ всѣ житейскія тяготы. Это была въ полномъ смыслѣ благочестивая, кроткая женщина, вносящая собою „миръ“ всюду. Кто зналъ ее, тотъ никогда не забудетъ ея свѣтлаго образа и любвеобильнаго сердца. Она скончалась 1 января 1882 года.

Схоронивъ жену, Иванъ Андреевичъ сталъ замѣтно и самъ разрушаться въ своемъ здоровьи. Между тѣмъ служебныя обязанности требовали иногда такихъ усилий, что о какомъ-либо сбереженіи здоровья нечего было и думать. Въ первыхъ числахъ февраля ему выпала судьба отправиться по дѣламъ службы за Волгу, описывать у крестьянъ одной деревни, скотъ и прочее имущество, по исполнительному листу окружнаго суда, въ пользу казанскаго купца В., вышедшаго изъ разбогатѣвшихъ мужиковъ этой мѣстности, съ которымъ крестьяне имѣли споръ о землѣ и—проиграли. Теперь купецъ требовалъ съ нихъ 300 рублей судебныхъ издержекъ. Денегъ у крестьянъ не было. Сцены разставанья ихъ съ коровенками и лошаденками произвели на душу Ивана Андреевича свое тяжелое дѣйствіе... Въстѣ съ этимъ, путешествуя съ повѣреннымъ истца изъ избы въ избы, при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ, Иванъ Андреевичъ подвергся простудѣ. Уложили его, по возвращеніи, въ постель, съ которой онъ болѣе не вставалъ. Промучившись двѣ недѣли отъ тяжелаго недуга, онъ тихо скончался въ понедѣльникъ второй недѣли Великаго поста, окруженный всѣми попеченіями любимаго семейства...

Миръ праху твоему, добрый и достойный самаго высокаго уваженія Иванъ Андреевичъ!

14 марта, 1884 года.

Н. А.

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО.

(Очеркъ).

„Художественная правда романовъ Мельникова совершенно заслоняетъ собою его „архангелские“ во многихъ отношеніяхъ взгляды, и мы съ искреннею печалію говоримъ о смерти талантливаго писателя, бывшего украшеніемъ русской литературы“.

(Москов. Телеграфъ отъ 3 февр. 1883 г.).

Павель Ивановичъ Мельниковъ, извѣстный болѣе подъ именемъ „Андрей Печерскаго“, умеръ 1 февраля 1883 г. Вся наша журналистика отозвалась съ большимъ соболѣзнованіемъ объ утратѣ столь крупнаго таланта, но ни одинъ изъ органовъ печати не почтилъ покойнаго хоть сколько-нибудь обстоятельной біографіей. Впрочемъ, мы слышали, что Павель Степановичъ Усовъ, когда-то очень извѣстный публицистъ и близкій пріятель П. И. Мельникова, взялъ на себя трудъ составить возможно полное жизнеописаніе нашего волжскаго бытописателя, для какой цѣли поступили къ г. Усову всѣ бумаги Павла Ивановича.

Мы съ своей стороны сочли не лишнимъ, въ ожиданіи біографіи *Андрея Печерскаго*, сдѣлать небольшой очеркъ изъ жизни этого писателя, именно очеркъ того періода, который можетъ быть названъ „казанскимъ“, то-есть времени пребыванія покойнаго въ здѣшнемъ университетѣ.

Однако для полноты очерка слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о рожденіи и дѣтствѣ П. И. Мельникова, чтобы напомнить читателямъ, какъ и при какой обстановкѣ

стала первоначально развиваться духовная природа этого человека, выразившаяся впоследствии такою силою в литературных его произведениях.

Павел Иванович Мельников родился 22 октября 1819 года, в Нижнем-Новгородѣ. Домъ, въ которомъ онъ родился, принадлежалъ дѣду его по матери, надворному совѣтнику Сергѣеву, и находился на Печерской улицѣ (*). На этой-же улицѣ Павелъ Ивановичъ жилъ въ 1852 году, когда написалъ первую повѣсть „Красильниковы“. Отсюда взялся псевдонимъ его, придуманный другимъ „великимъ сподвижникомъ русскаго слова и русскаго мысли“, Владиміромъ Ивановичемъ Далемъ (Казаномъ Луганскимъ), который служилъ въ то время управляющимъ нижегородскою удѣльною конторой и жилъ съ Мельниковымъ.

Отецъ П. И. Мельникова, капитанъ Иванъ Ивановичъ Мельниковъ, занималъ должность исправника въ г. Семеновѣ. Уѣздный городъ Нижегородской губерніи, Семеновъ, съ незапамятныхъ временъ считался центромъ старообрядческаго міра въ нашемъ Заволжьѣ. Вокругъ него на далекое пространство разсыпаны были въ дремучихъ лѣсахъ Керженскихъ и Чернораменскихъ скиты, скиты и скиты. Здѣсь каждая баба за-поясъ заткнетъ любаго профессора академіи по части знанія исторіи раскола. Неподалеку отъ Семенова, въ деревнѣ Казанцевой, находилось маленькое имѣніе Мельникова-отца, полученное въ приданое за женою, Анною Павловною Сергѣевою, матерью Павла Ивановича.

„Верхнее заволжье—край привольный, говоритъ П. И. Мельниковъ. Тамъ народъ досужій, бойкій, смышленный и ловкій... Тамъ Русь изстари, усѣлась по лѣсамъ и болотамъ. Судя по людскому нарѣчному говору, новгородцы въ давнія рюриковы времена тамъ поселились. Преданья о Батыевомъ разгромѣ тамъ свѣжи. Укажутъ и „троцу Батыеву“ и мѣсто невидимаго города Китижа на озерѣ Свѣтломъ-Ярѣ... Старая тамъ Русь, исконная, кондовая. Съ той поры, какъ зачиналась Земля Русская, тамъ чуждыхъ насельниковъ не бывало. Тамъ Русь

(*) Это по словамъ покойнаго П. И. Мельникова. Между тѣмъ, извѣстный знатокъ исторіи и топографіи Нижняго-Новгорода, А. С. Гацскій, утверждаетъ, что домъ г. Сергѣева находился не на Печерской улицѣ, а на углу нынѣшнихъ улицъ Мартиновской и Новой-Тихоновской. Теперь домъ этотъ принадлежитъ г-ну Литомьину. (Изъ письма А. С. Гацскаго къ пишущему эти строки отъ 30-го сентября 1878 года).

сызстари въ чистотѣ, стоитъ—какова была при „прадѣ-дахъ“, такова хранится до нашихъ дней... Живеть за-волжанинъ хоть въ трудѣ, да въ достаткѣ. Сызстари за Волгой мужики въ сапогахъ, бабы въ котлахъ. Лаптей ви-домъ не видано, хоть слыхомъ про нихъ слыхано. Лѣсу вдоволь, лыко непочемъ, а въ рѣдкомъ домѣ, кочетыкъ найдешь... Таковъ обычай: лѣтомъ въ сапогахъ, зимой въ валенкахъ, на тотъ свѣтъ въ лапоткахъ... Изба у заволжанина пятистѣнная, печь съ трубой; о черныхъ избахъ да соломенныхъ крышахъ онъ только слыхалъ, что есть такія гдѣ-то „на горахъ“. А чистота кака въ заволжскихъ домахъ! Славятъ нѣмцевъ за чистоту, русскаго корятъ за грязь и перяшество. Побывать-бы за Волгой тѣмъ славильщикамъ, не то бы сказали“... (*)..

Вотъ гдѣ и подъ сѣнію какой природы и „культуры“ протекли ранніе отроческіе годы „Андрея Печерскаго“. Вся эта природа, весь строй исторической бытовой жизни этого края и все, что только можетъ дать крупному наблюдательному уму наше столь богато одаренное „По-волжье“, съ его монастырями, скитами, преданіями, ле-гендами, типами, удальствомъ и раздольемъ—все это нашло живой отзвукъ подъ перомъ мощнаго выразителя-ху-дожника....

Въ 1830 году Павлу Ивановичу исполнилось 11 лѣтъ. Отецъ привезъ его въ Нижній, а на другой день приѣзда — повелъ къ *Егору Егоровичу Эвелиусу*, директору гимназіи. Это былъ образованный сорока-лѣтній нѣмецъ, провед-шій многіе годы въ путешествіяхъ по Германіи, Франціи, Англіи и Голландіи“ и въ концѣ концовъ попавшій къ намъ, на Волгу. Будучи докторомъ медицины, Эвелиусъ служилъ сначала операторомъ врачебной управы въ Нижнемъ, завѣдывалъ больницами въ городѣ и ярмаркѣ, а потомъ (съ 1828 года) очутился директоромъ мѣстной гимназіи. Послѣ визита Эвелиусу малютка-Мельниковъ сталъ гимназистомъ.

Гимназіи того времени нельзя, конечно, сравнивать съ теперешними: это двѣ несоизмѣримыя величины. Весь циклъ наукъ тогдашней гимназіи могъ быть свободно исчерпанъ въ четыре года. Въ теченіи гимназическаго курса Павелъ Ивановичъ изучалъ:

„Общую и русскую исторію“ у преподавателя *Никольскаго* (Михаила Афанасьевича), который раньше былъ штатнымъ смотрителемъ нижегородскаго училища, а впо-

(*) См. „Въ лѣсахъ“. Часть 1-я, глава 1-я.

слѣдствіи смѣнилъ собою директора гимназіи Эвелиуса: „Это былъ поэтъ и каждый классъ читалъ ученикамъ свои собственныя стихотворенія, съ неестественною энергіей, зависѣвшею отъ возбужденія напитками. Учитель этотъ хотя по наружности не могъ нравиться веряществомъ своимъ въ одеждѣ и грубыми манерами, но онъ очень нравился ученикамъ потому, что почти ничего отъ нихъ не спрашивалъ, а больше занимался указаніемъ недостатковъ принятаго учебника“ (*). Никольскій происходилъ изъ нижегородскихъ семинаристовъ, выпуска 1802 года.

„Математику и физику“—у *Лубкина* (Виктора Александровича). Это былъ сынъ костромскаго помѣщика, молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ казанской гимназіи (въ 1822 г.) и казанскомъ университетѣ (въ 1826 г.). Раньше онъ читалъ „естественную исторію“ въ нижегородской гимназіи.

„Россійскій языкъ и словесность“—сначала у *Свидѣнцова* (Ивана Семеновича), родомъ вятчанина, воспитанника тамошней гимназіи и казанскаго университета, въ которомъ кончилъ съ золотою медалью въ 1827 г., а потомъ у *Савельева* (Александра Федоровича), лаишевскаго уроженца. По окончаніи курса въ казанской гимназіи (вмѣстѣ съ В. А. Лубкинымъ въ 1822 г.) и въ казанскомъ университетѣ (въ 1825 г.) Савельевъ опредѣленъ былъ учителемъ словесности въ вятскую гимназію, гдѣ „за сочиненіе сатирическаго разговора, произнесеннаго на публичномъ актѣ“, получилъ выговоръ, со внесеніемъ въ формуляръ.

„Естественную исторію“—у *Щепина* (Александра Васильевича), происходившаго изъ „приказно-служительскихъ дѣтей“ г. Царевококшайска. Онъ воспитывался тоже въ нашей гимназіи (выпуска 1824 г.) и нашемъ университетѣ (выпуска 1827 г.). Впрочемъ этого преподавателя вскорѣ смѣнилъ *Кученевъ* (Александръ Ивановичъ), тоже изъ казанскихъ студентовъ (1832 г.).

„Латинскій языкъ“—у *Орлова* (Ивана Федоровича), славившагося глубокимъ знаніемъ своего предмета. Это былъ уфимскій семинаристъ, окончившій курсъ въ казанскомъ университетѣ въ 1829 г. Про него ученики говорили, что онъ латинскій языкъ „съ хлѣбомъ ѣлъ“, хотя преподавалъ его хуже, чѣмъ плохо. Его смѣнилъ популярнѣйшій изъ учителей, когда-либо бывшихъ въ нижегородской

(*) Такъ отзывастся о немъ одинъ изъ учениковъ его (М. Л. Назимовъ) въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1876 г., № 7, стр. 104.

гимназіи; *Львовскій* (Егоръ Тимофеевичъ); * оставившій въ ученикахъ самую благодарную память. Но у этого латиниста П. И. Мельниковъ уже не учился.

„Французскій языкъ“—сначала у *де-Монфора* (Александра Осиповича). . . . Опъ былъ сынъ французскаго эмигранта. А съ 1831-го года у отставнаго поручика прусской службы *Швалье-де-ла-Серра* (Ивана Ивановича), бывшаго передъ симъ учителемъ въ неплюевскомъ военномъ училищѣ въ Оренбургѣ.

„Нѣмецкій языкъ“ также у двоихъ: сперва у *Баталина* (Николая Васильевича), обучавшагося въ московскомъ университетѣ и служившаго около шести лѣтъ въ Остзейскомъ краѣ; а затѣмъ, у *Рейнгольда-Элюхена* (Карла Ивановича), лифляндскаго нѣмца, сдавшаго въ казанскомъ университетѣ экзамень на домашняго учителя. Послѣ Рейнгольдъ былъ учителемъ въ Перми.

Учителемъ „рисованія“ былъ очень древній старецъ *Веденецкій* (Петръ Афанасьевичъ). Опъ началъ свою карьеру „подканцеляристомъ“ нижегородской духовной консисторіи, побывалъ затѣмъ чиновникомъ совѣстнаго суда и уголовной палаты, а еще служилъ въ какихъ-то учрежденіяхъ; о которыхъ осталось теперь одно воспоминаніе. Имѣлъ каменный домъ въ Нижнемъ, и зналъ, говорятъ, рисованіе „до тонкости“.

„Законъ Божій“—преподавалъ протоіерей нижегородскаго Благовѣщенскаго собора *Лебедевъ* (Павель Ивановичъ), состоявшій въ то же время экономомъ архіерейскаго дома. Законоучитель этотъ былъ болѣе извѣстенъ тѣмъ, что владѣлъ „крѣпкими людьми“, записанными на имя жены.

Заключая этотъ списокъ лицъ, имѣвшихъ каждый свое влияние на умственное развитіе будущаго нашего романиста-этнографа, нельзя пройти молчаніемъ и того обстоятельства, что во все время пребыванія Павла Ивановича въ нижегородской гимназіи, „письмоводителемъ“ ея былъ нашъ знаменитый казанскій археологъ-нумизматъ *Викторъ Константиновичъ Савельевъ*, скончавшійся, къ общему прискорбію всѣхъъзнавшихъ его, 27 марта 1882 года.

Изъ числа преподавателей нижегородской гимназіи одинъ заявилъ себя въ литературѣ. Это былъ Н. В. Баталинъ, учитель нѣмецкаго языка. Онъ сочинилъ *кантъ* для торжественнаго собранія нижегородской гимназіи и по прочтеніи напечаталъ это твореніе въ Москвѣ, въ видѣ от-

дѣльной книжки (1). Другое литературное произведение Баталина составляетъ его переводъ Виландовыхъ *Абдеритянь*, которые вышли также въ Москвѣ, въ двухъ частяхъ: первая въ 1832, а вторая въ 1840 году (2).

О самой нижегородской гимназiи можно сказать, что она считалась, почти съ самаго основанiя своего (12 марта 1808 г.), лучшею въ казанскомъ учебномъ округѣ. Духъ и порядки, господствовавшiе въ ней нѣкогда, отличались гуманностию; преподаватели ея были хотя и различныхъ дарованiй, но всѣ люди добрые и мягкосердечные. Такъ свидѣтельствуетъ воспитанникъ ея, М. Л. Назимовъ, окончившiй курсъ въ 1820 году. „Я убѣжденъ—говорить г. Назимовъ,—что всѣ воспитанники нижегородской гимназiи, неокончившiе и окончившiе курсъ, вынесли объ ней благодарное воспоминанiе за прибрѣтенныя свѣдѣнiя и въ особенности за отеческое, кроткое обращенiе съ ними ихъ благодушныхъ наставниковъ. Это качество господъ учителей нижегородской гимназiи замѣчательно. Въ то время въ столичной московской гимназiи допускались жестокия истязанiя учениковъ оплеухами, тасканiемъ за волосы и за уши, розгами и палями, то-есть линейками по ладонямъ, которыя отъ ударовъ распухали. Эти расправы тѣмъ болѣе непонятны, что циркулярными предложенiями министра народнаго просвѣщенiя отъ 18 марта 1811 года и 14 февраля 1814 года тѣлесныя наказанiя строго воспрещались, съ угрозою удаленiя отъ должности нарушившихъ это правило (3).

Ко времени ученчества Павла Ивановича, жизнь въ нижегородской гимназiи усилъ во многомъ измѣниться въ очень неелестную сторону, ибо господствовалъ уже во всей силѣ уставъ 1828 года. Розги и потасовки были обычною мѣрою вразумленiя и просвѣщенiя. „Особенною жестокостию и лютоостию отличались въ нижегородской гимназiи учителя „изъ духовнаго званiя“, и они-же были самыя безтолковыя“, говорилъ самъ П. И. Мельниковъ. Впрочемъ, при немъ гимназiя находилась наканунѣ преобразованiя.

(1) „Кантъ на торжественное собранiе нижегородской гимназiи. Соч. Баталина. Москва, въ типографiи Лазаревскаго института, 1832 г. in 8^{оа}“.

(2) „Абдеритяне, Соч. Виланда. Переведъ съ нѣмецкаго Н. Баталина. 2 части. Москва, въ университетской типографiи, 1832—1840 гг. in 8^{оа}“.

(3) См. „Въ провинци и въ Москвѣ. Изъ воспоминанiй старожила. М. Назимова“. Въ июльской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1876 (годъ) стр. 113.

Вотъ что говорить о той-же гимназии другой воспитанникъ ея, нашъ известный ученый К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, профессоръ петербургскаго университета. Онъ поступилъ въ нижегородскую гимназію въ самомъ концѣ тридцатыхъ годовъ. Тамъ вскорѣ присоединился къ нему, въ качествѣ школьнаго товарища, С. В. Ешевскій, личность не менѣе достойная въ учено-литературномъ мірѣ.⁴⁾

Гимназія нижегородская—пишетъ Константинъ Николаевичъ—съ пансіономъ при ней считалась, если не лучшимъ, то однимъ изъ лучшихъ заведеній въ казанскомъ округѣ. То время, о которомъ мы теперь говоримъ (время это взято лѣтъ 5—6 спустя по окончаніи въ гимназій курса П. И. Мельниковымъ), было завершеніемъ стараго періода его существованія, послѣднимъ временемъ полного господства старой педагогическаго института. Съ открытіемъ института (образовавшагося изъ гимназическаго пансіона) потребовался для двухъ заведеній двойной комплектъ учителей и потому пріѣхало много новыхъ лицъ изъ Казани и изъ петербургскаго педагогическаго института; пріѣзжіе привезли съ собою новое обращеніе и новыя педагогическія приемы. Эту перемѣну ощутило на себѣ и наше поколѣніе. Когда мы поступили въ гимназію (въ концѣ 30-хъ годовъ, при директорѣ Михаилѣ Фроловичѣ Грацинскомъ), господствовала полная патріархальность. Каждую субботу съѣздили лѣнливыхъ, для чего директоръ являлся съ особою торжественностію въ классъ и вызывалъ по списку своихъ жертвъ. Учители дрались въ классѣ. Одинъ учитель математики (умершій лѣтъ около 30 тому назадъ) бралъ ученика за волосы и тащилъ его черезъ классъ отъ доски къ скамейкамъ и отъ скамеекъ къ доскѣ. Другой учитель географіи и русскаго языка въ пер-

⁴⁾ Степанъ Васильевичъ Ешевскій (умершій 29 мая 1865 г.) былъ съ 1855 по 1857 г. профессоромъ „русской исторіи“ въ казанскомъ университетѣ. Онъ замѣнилъ собою на этой кафедрѣ своего бывшаго наставника, профессора Н. А. Иванова. Старавіями С. В. Ешевскаго образовался въ Казани, при университетѣ, этнографическій музей изъ предметовъ, преимущественно имѣющихъ какое-либо отношеніе къ нашему краю. Онъ-же завелъ въ разныхъ мѣстахъ корреспондентовъ, отъ которыхъ доставалъ какъ этнографическія предметы, такъ и древности. Такимъ образомъ и у Ешевскаго собралась небольшая, но хорошеишкая коллекція болгарскихъ и пермскихъ древностей, описанныхъ потомъ въ „Пермскомъ Сборникѣ“. Лекціи С. В. Ешевскаго и его разговоры возбуждали—по словамъ К. Н. Бестужева-Рюмина—въ многихъ интересъ къ занятіямъ; такъ въ то время посѣщала его А. П. Шаповъ, тогда еще студентъ академіи. Ешевскій указывалъ ему на этнографическія вопросы и, какъ на источникъ для изученія колонизаціи, на житія святыхъ, хранящіяся въ Соловецкой библіотекѣ. (См. „Бестужева-Рюмина: „Біографіи и характеристика““. Спб. 1882 г. стр. 318).

вомъ классѣ замѣтивъ, что мальчикъ грызетъ ногти, велѣлъ ему взять въ ротъ кусокъ мѣлу; онъ-же заставлялъ двухъ виновныхъ учениковъ таскать другъ-друга за волосы. Въ преподаваніи были тоже куріозы. Урокъ неизмѣнно задавался слѣдующимъ образомъ: учитель читалъ по книгѣ то, что надо было выучить, а ученики, слѣдя по своимъ книгамъ, зачеркивали то, что учитель пропускалъ въ чтеніи; если въ программѣ, составленной въ Казани, было что-нибудь не входившее въ учебникъ, тогда учитель доставалъ, откуда Богъ пошлетъ, недостающее. Самымъ блестящимъ образцомъ того, что бывало въ гимназіяхъ, служить одинъ изъ нашихъ учителей математики—тоже умершій теперь—который ни разу ни самъ не говорилъ въ классѣ, ни учениковъ не спрашивалъ. Легко представить, каковы были успѣхи въ математикѣ! Ломоносовское раздѣленіе слога на высшій, средній и низшій, источники изобрѣтенія и хриіи господствовали въ этой теоріи словесности, которая преподавалась намъ по Кошанскому. Между учителями этой эпохи были, впрочемъ, и очень порядочные. Такимъ былъ учитель латинскаго языка Е. Т. Лытницкій.... 5)“.

Слова, которыми характеризуетъ нижегородскую гимназію К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, вполне можно отнести и къ эпохѣ Павла Ивановича. Пять-шесть лѣтъ разницы не составляютъ. Внутренній бытъ учебныхъ заведеній скоро не измѣняется, не смотря на радикальныя иногда мѣры, вызываемыя слѣдующими узаконеніями. Мы намѣренно привели здѣсь отзывъ о нижегородской гимназіи уважаемаго историка, чтобы представить, хоть сколько нибудь точно, ту обстановку и тѣ условія школьнаго образованія, какія царили въ „мельниковскія времена“ въ гимназіи роднаго ему города. Эти всѣ порядки засталъ еще Бестужевъ-Рюминъ, какъ видитъ читатель изъ его отзыва. Впрочемъ, такая постановка учебнаго дѣла и взгляды на задачи воспитанія были тогда общіе для всѣхъ учебныхъ заведеній нашихъ, если не брать въ примѣръ духовныя семинаріи, гдѣ, събли „на воздухѣхъ“ и издѣвались надъ личностію ребенка съ гораздо худшею грубостію и цинизмомъ. Слава Богу, что времена эти канули въ вѣчность....

Послѣдуемъ теперь за Павломъ Ивановичемъ въ храмъ высшаго научнаго образованія—въ университетъ, куда, по окончаніи курса въ гимназіи въ 1834 году, отправился

5) Ibid., стр. 274.

онъ вмѣстѣ съ товарищами своими: Василіемъ Васильевымъ⁶⁾, Владиміромъ Мальчиковскимъ, Павломъ Евдокимовымъ и, кажется, Александромъ Каратаевымъ. Казанскій университетъ, какъ вѣроятно и прочіе русскіе университеты того времени, мало чѣмъ отличался отъ гимназій по отношенію къ своимъ питомцамъ, особенно въ годы суроваго попечительства М. Н. Мусина-Пушкина (1827—1845 гг.) Разница была лишь въ томъ, что студентовъ не подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ, какъ гимназистовъ; авторитетъ же ихъ былъ выше авторитета послѣднихъ только развѣ въ глазахъ общества. У Мусина-Пушкина не только студенты, но и профессора ходили зачастую, держа „руки по-швамъ“. Сохранилась масса анекдотовъ о профессорахъ, „пушкинскаго времени“, о ихъ отношеніяхъ въ грозному начальнику, который обращалъ вниманіе даже на то, всѣ-ли пуговицы пришиты къ ихъ вице-мундирамъ. Впрочемъ „всякому дѣви довлѣтъ злоба его“ — таковы были требованія времени и, поэтому, нелзя многого ставить въ вину тогдашнему попечителю⁷⁾. Напротивъ, мы можемъ найти въ его дѣятельности не мало такихъ дѣлъ, которыя дѣлаютъ честь его имени. Укажемъ напримѣръ, на приглашеніе для занятія профессорскихъ кафедръ такихъ людей, которые были украшеніемъ казанскаго университета: В. И. Григоровичъ, Н. Н. Зининъ, Е. Ф. Аристовъ, Д. И. Мейеръ, К. К. Фойгтъ, Н. А. Ивановъ и др. Наконецъ восточный факультетъ казанскаго университета процвѣтаніемъ своимъ былъ обязанъ исключительно стараніямъ Мусина-Пушкина, который съ особою любовью покровительствовалъ „оріентализму“, столь дорогому и нужному для нашего края.

6) *Василій Павловичъ Васильевъ*, нынѣ заслуженный профессоръ петербургскаго университета, известный синологъ. Сынъ его, Александръ Васильевичъ, докторъ чистой математики, профессорствуетъ въ настоящее время въ казанскомъ университетѣ. В. П. Васильевъ кончилъ въ гимназій вурсъ двумя годами раньше Мельникова.

7) *Михаилъ Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ* (ум. 1862 г.), былъ казанскій уроженецъ. Изъ студентовъ здѣшняго университета онъ въ 1810 году поступилъ въ военную службу, участвовалъ въ войнахъ 1812 года и въ чинѣ полковника назначенъ 24 февраля 1827 года попечителемъ казанскаго учебнаго округа (вмѣсто печальной памяти М. Л. Магницкаго). Послѣ 17 лѣтъ попечительства М. Н. Мусинъ-Пушкинъ переведенъ (въ 1845 году) на тотъ-же постъ въ Петербургъ, гдѣ стяжалъ большую извѣстность не столько по званію попечителя, сколько по управленію дѣлами цензуры. Припомнимъ арестъ покойнаго И. С. Тургенева за напечатаніе некролога Гоголя; имѣли котораго Мусинъ-Пушкинъ не могъ равнодушно слышать, читая, Гоголя, знаменемъ либеральной партіи“. Болѣе чѣмъ невпниый во великихъ либеральныхъ помышленіяхъ историкъ Устряловъ и тотъ поплатился передъ Мусинымъ-Пушкинымъ за свое извѣстное „Начертаніе русской исторіи“. (См. *Русскую Старину* 1871 г. I, 393 и 1873 г. II, 949).

Историко-филологическій факультетъ, на который записался П. И. Мельниковъ, назывался въ тѣ времена „Отдѣленіемъ словесныхъ наукъ“. Отдѣленіе это было самымъ богатымъ во всемъ университетѣ по количеству профессоровъ, занимавшихъ на немъ кафедры, и по числу наукъ, читавшихся съ этихъ кафедръ. Впрочемъ, такое преобладаніе на немъ ученато персонала объясняется тѣмъ, что въ составъ „Словеснаго отдѣленія“ входилъ всецѣло такъ называемый „Восточный факультетъ“, переведенный въ пятидесятихъ годахъ въ петербургскій университетъ. Въ періодъ студенчества Мельникова (1834—1837) на „Словесномъ отдѣленіи“ казанскаго университета преподавались слѣдующія науки:

1) „Богословіе догматическое и нравственное“. Читалъ протоіерей и духовникъ университета *А. И. Нечаевъ*.

2) „Церковно-библейская исторія“. Читалъ протоіерей казанскаго кафедральнаго собора *Ф. Т. Талантовъ*.

3) „Философія“ и „Исторія философскихъ системъ“. Читали: орд. проф. *П. С. Сергеевъ* и адъюнктъ *А. Ф. Хламовъ*.

4) „Логика“ и „Опытная психологія“. Читалъ адъюнктъ *А. Ф. Хламовъ*.

5) „Метафизика“. Читалъ орд. проф. *П. С. Сергеевъ*.

6) „Славянскій языкъ“. Читалъ—одинъ годъ адъюнктъ *М. С. Рыбушкинъ*, а послѣ него—адъюнктъ *А. Ф. Хламовъ*.

7) „Словесность“— Читали: орд. проф. *Г. С. Суворовъ* и адъюнкты: *К. К. Фойтъ* и *А. Ф. Хламовъ* (послѣдній—„Теорію краснорѣчія“).

8) „Риторика“. Читалъ тотъ-же *А. Ф. Хламовъ*.

9) „Исторія общая“. Читалъ орд. проф. *Г. С. Суворовъ*.

10) „Исторія Россійская“. Читалъ орд. проф. *В. Я. Булыгинъ*.

11) „Статистика Россійская“ и „Статистика знатнѣйшихъ государствъ“. Читалъ орд. проф. *В. Я. Булыгинъ*.

12) „Всеобщая и русская географія“. Читалъ учитель гимназіи *И. Ф. Грацинскій*.

13) „Греческій языкъ и словесность“. Читали: орд. проф. *С. А. Мистаки* и экстра-орд. проф. *М. Ф. Грацинскій*.

14) „Латинскій языкъ и древности“. Читали: адъюнктъ *М. В. Полиовскій* (одинъ годъ), орд. проф. *А. В. Шарбе* и экстра-орд. проф. *Я. М. Карблиновъ*.

15) „Арабская словесность“. Читалъ орд. проф. *Ө. И. Эрджанъ*.

16) „Персидская словесность“. Читали: орд. проф. *А. К. Казембекъ и О. И. Эрдманъ*.

17) „Монгольская словесность“. Читали, адъюнкты: *О. М. Ковалевскій и А. В. Поповъ*.

18) „Турецко-татарскій языкъ“. Читалъ орд. проф. *А. К. Казембекъ*.

19) „Французскій языкъ и литература“. Читали: адъюнктъ *И. И. Бюрно* и учитель гимназiи *А. О. Дечевеppi*.

20) „Нѣмецкiй языкъ и литература“. Читали: пасторъ казанской лютеранской церкви *О. В. Фиррекъ* и учитель гимназiи *А. П. Норманъ*.

Ректоромъ университета былъ извѣстный математикъ *Н. И. Лобачевскiй*, впоследствии помощникъ попечителя казанскаго учебнаго округа; проректоромъ — тоже математикъ, *Г. Б. Никольскiй*.

Сдѣлаемъ краткую характеристику этихъ *двадцати двухъ* представителей науки въ нашемъ университетѣ, такъ какъ, за счастливымъ исключенiемъ здравствующаго Ивана Фроловича *Грацинскаго*, всѣ остальные праотцы казанскаго университета

... въ гробахъ уединенныхъ
На вѣки затворясь, снова непробуднымъ спать.

Александръ Ивановичъ Нечаевъ, настоятель университетской церкви и профессоръ богословiя, былъ очень почтенною личностiю, и о немъ слѣдуетъ сказать нѣсколько лишнихъ словъ. Онъ вышелъ изъ очень бѣдной семьи. Отецъ его, священникъ села Ямашева чистопольскаго уѣзда, Иванъ Семеновичъ *Лебединскiй*, умеръ въ то время когда сыну шелъ шестой годъ. Не имѣя средствъ къ дневному пропитанiю, мать отдала его на воспитанiе бiлярскому протопопу Бѣлогородцеву, который, будучи занятъ разными должностями, едва могъ выучить мальчика грамотѣ. Онъ привезъ его, уже пятнадцатилѣтняго, къ ректору казанской семинарiи для помѣщенiя въ число учениковъ ея. Мудрый ректоръ, окинувъ глубокомысленнымъ взглядомъ сироту, объявилъ, что онъ положительно не надѣется на его способности къ ученiю и если принимаетъ его, то единственно снисходя къ крайне бѣдному положенiю его матери. „*Не чаю* я, чтобы изъ тебя вышелъ прокъ, сказалъ мальчику компетентный знатокъ человѣческой физиономики. А потому, зовись ты не *Лебединскiй*, а „*Нечаевъ*“. Подъ этою фамилiею и записанъ былъ юноша въ списки семинаристовъ. Это было въ 1794 году. Но казанская

семинарія на половину только отворила Нечаеву двери: учиться въ ней ему было предоставлено, а жить, ѣсть и одѣваться—онъ долженъ былъ какъ и гдѣ знаетъ. Къ счастью, нашелся въ Казани какой-то живописецъ, который пріютилъ у себя Нечаева безплатно. Отличнымъ прилежаніемъ и поведеніемъ молодой человѣкъ скоро обратилъ на себя вниманіе, а мастерская художника была причиною тому, что жилецъ ея научился рисованію и живописи не хуже своего хозяина, такъ что былъ въ состояніи зарабатывать средства и тѣмъ содержать мать и трехъ сестеръ. По окончаніи курса въ семинаріи, онъ переведенъ былъ въ казанскую духовную академію на казенное содержаніе, какъ „отличнѣйшій изъ всѣхъ учениковъ“.

.... Нечаевъ пользовался полнымъ довѣріемъ начальства: онъ сдѣланъ былъ помощникомъ инспектора академіи и цензоромъ студенческихъ сочиненій, относящихся до богословія, философіи и словесности, а потомъ опредѣленъ учителемъ рисованія. Въ 1805 году произведенъ въ діаконъ въ казанскую Богоявленскую церковь, а черезъ два года посланъ священникомъ въ село Сотнуры, Царевококшайскаго уѣзда. Вскорѣ онъ опять былъ переведенъ въ Казань, къ Варваринской церкви. Здѣсь о. Нечаевъ заведывалъ военнымъ госпиталемъ, исправляя въ немъ всѣ требы съ тою сердечностію и гуманностію, которая украшали всю его жизнь. Въ эту пору въ Казани сосредоточено было много войскъ; кромѣ того ратники „казанскаго ополченія“, раненные и плѣнные войны 1812—14 гг. значительно затруднили размѣщеніе ихъ въ городѣ. Госпиталь былъ полонъ больными. Епархіальное начальство вздумало въ 1817 году поощрити А. И. Нечаева „за примѣрную добродѣтельную жизнь, ревность къ должности и искусство сочинять проповѣди“, возведеніемъ въ санъ протоіерея къ Владимірскому собору. Но Владимірскій приходъ оказался настолько бѣднымъ, что о. Нечаевъ, будучи самъ очень небогатымъ человѣкомъ, вынужденъ былъ остаться на прежнемъ мѣстѣ. Въ 1820 г. онъ поступилъ духовникомъ университета и преподавателемъ въ немъ „Библейско-церковной исторіи“, а также законоучителемъ казанской гимназіи (вмѣсто грузинскаго священника Ив. Григор. Тапаевскаго). Въ 1825 году построена при университетѣ церковь и А. И. Нечаевъ сталъ ея настоятелемъ, съ званіемъ адъюнкта „Догматическаго и правственнаго богословія“ и оставался въ этой должности до 1837 года. Передавъ профессуру зилантовскому архимандриту Гавріилу (Воскресенскому), А. И. Нечаевъ „ограничился

службою настоятеля университетской церкви и, состоя на этой службѣ, скончался 3 января 1851 года, на 73 году жизни. Въ довершеніе характеристики этого дѣятеля нужно прибавить, что въ 1815 году послѣ страшнаго пожара, которымъ истреблена была почти вся наша Казань, А. И. Нечаевъ далъ у себя въ домѣ, при Варваринской церкви, безвозмездный пріютъ массѣ бѣдняковъ-погорѣльцевъ, стѣснивъ даже себя. Несчастныхъ было до 30 семействъ и почтенный протоіерей, въ продолженіи многихъ дней содержалъ ихъ на свой счетъ, заботился о нихъ, сочувствовалъ имъ, хотя до этого времени не зналъ изъ нихъ ни одного человѣка. Впослѣдствіи, онъ и самъ сколотилъ себѣ домишка, который находился въ воскресенскомъ приходѣ, на улицѣ, называемой: „По хребтамъ горъ“. Въ свободныя минуты Александръ Ивановичъ любилъ „побаяхарить“ съ пріятелями, т. е., побаясничать съ ними „о житейскихъ дѣлахъ“. Онъ имѣлъ огромный кругъ почитателей, которые про него говорили: „Бахарь нашъ на хребтѣ горъ живетъ“.

О протоіерей *Флегонтъ Тихоновичъ Талантовъ*, преподававшемъ въ университетѣ, „Церковно-библейскую исторію“, можемъ сказать лишь то, что человѣкъ этотъ былъ олицетворенная кротость. Будучи сыномъ пономаря Владимірской губерніи и воспитанникомъ втораго выпуска московской духовной академіи, онъ въ 1820 году прибылъ въ Казань для занятія должности наставника семинаріи по еврейскому языку и гражданской исторіи, въ каковой должности пробылъ ровно 27 лѣтъ. Съ 1823 по 1837 годъ преподавалъ въ университетѣ и 1-го мая 1869 года умеръ въ г. Цивильскѣ, куда уѣхалъ во временный отпускъ, чтобы отдохнуть отъ служебныхъ трудовъ въ домѣ дочери своей, жены протопопа Романовскаго. Онъ долго былъ кафедральнымъ протоіереемъ, а въ послѣднее время предпочелъ занять протоіерейское мѣсто въ казанскомъ женскомъ монастырѣ. Единственною слабостію этого кроткаго и добрейшаго существа—была любовь къ „преферансику“. По поводу такой невиннѣйшей страстишки, про Ф. Т. Талантова ходило по городу множество анекдотовъ, отъ которыхъ приходилось нерѣдко помирать со смѣху.

Петръ Сергѣевичъ Сергѣевъ—былъ собственно профессоромъ законовъ, благоустройства и благочція, читавшихся на юридическомъ факультетѣ, или—какъ его тогда называли—„нравственно-политическомъ“; но ему почему то поручено было преподаваніе „нравственной философіи“ и

„метафизики“ 2-му и 3-му курсамъ словесниковъ. Онъ былъ сынъ поручика *С. И. Родванскаго* отъ брака съ Люб. Ив. Денисовичъ, впоследствии расторгнутаго, вслѣдствіе чего и не носилъ отцовской фамиліи. Имѣлъ въ Казани деревянный домъ (на Ново-Горшечной улицѣ) и теперь, какъ-жется, принадлежащій его наследникамъ, и нѣсколько душъ крѣпостныхъ крестьянъ. Учился сначала въ смоленской гимназій, а потомъ, послѣ вѣшества на этотъ городъ французовъ, въ бывшемъ петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. Въ Казань прибылъ съ званіемъ экстраординарнаго профессора правовѣдѣнія въ 1823 году, не имѣя никакой ученой степени, единственно по назначенію попечителя *М. Л. Магницкаго*. Впрочемъ, за поднесеніе Государынѣ *Елизаветѣ Алексѣевнѣ* переведеннаго имъ сочиненія *Шмальца*: „Частное естественное право“ ¹⁾, награжденъ золотыми часами. Былъ секретаремъ совѣта и въ этой должности подвергся взысканію, вмѣстѣ съ попечителемъ и ректоромъ, по дѣлу профессора *Жобара*, полусумасшедшаго француза, извѣстнаго крайне безпокойнымъ поведеніемъ. Этотъ *Жобаръ* былъ профессоромъ въ казанскомъ университетѣ около двухъ лѣтъ и своимъ неуживчивымъ и сварливымъ характеромъ вооружилъ противъ себя всю университетскую коллегію. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, получавшій 10000 руб. содержанія (онъ занималъ двѣ каѳедры, благодаря всемогуществу *Магницкаго*), былъ въ тоже время источникомъ постоянныхъ раздоровъ и смуть въ публикѣ и стѣнахъ университета. Ни одно засѣданіе совѣта не проходило безъ скандала, если на немъ присутствовалъ *Жобаръ*. Однажды онъ до того довелъ ректора, кроткаго и деликатнаго *К. Ѳ. Фуэса*, что тотъ вынужденъ былъ дать приказаніе вывести *Жобара* изъ залы засѣданія, что и было исполнено. А вскорѣ послѣ этого случая, всѣ профессоры, въ полномъ составѣ, припли къ *Магницкому* и сказали, что они не будутъ болѣе служить съ *Жобаромъ* и что или онъ, или они должны оставить службу. *Жобаръ* былъ уволенъ ²⁾. Вся вина секретаря совѣта *Сергѣева* заключалось въ томъ, что онъ, вмѣстѣ съ ректоромъ,

¹⁾ „Частное естественное право; соч. *Федора Шмальца*; пер. съ лат. и съ прибавленіемъ исторіи и литературы естественнаго права. Издавъ *Петръ Сергѣевъ*. Спб. 1820 г. in 8^о“.

²⁾ Очень любопытный эпизодъ о *Жобарѣ* помѣщенъ въ книгѣ англичанина *Турнерелли* (*Tracy Turnerelli, What i know of the late Emperor Nicholas and his family*), хотя въ деталяхъ не совсѣмъ сходный съ дѣйствительностію. Переводъ этого разсказа о *Жобарѣ* сдѣланъ въ книгѣ *В. В. Андреева*: „Представители власти въ Россіи послѣ Петра I“, зд. 2-е, Спб. 1871 г. стр. 418..

вопреки уставу, привелъ въ исполненіе предложеніе попечителя Магницкаго о выдачѣ орд. профессору Жобару аттестата безъ одобренія его поведенія (съ прописаніемъ обвиненій, причемъ якобы недоказанныхъ). Вначалѣ своей профессорской карьеры П. С. Сергѣевъ былъ очень сильнымъ человѣкомъ въ университетѣ, какъ любимецъ Магницкаго. Даже ректоръ страшился возставать противъ авторитета Сергѣева, который въ качествѣ секретаря совѣта ворочалъ всѣмъ университетомъ. Когда обращались къ ректору съ жалобами на него, то К. О. Фуксъ обыкновенно отвѣчалъ: „Что-же мнѣ дѣлать? Я не могу остановить Сергѣева въ его неприличныхъ и дерзкихъ поступкахъ и въ совѣтѣ и на сторонѣ, потому что мнѣ именно предписано отъ попечителя во всемъ держаться и слушаться его; Сергѣевъ очень силенъ“. Такая характеристика все-сильнаго Сергѣева, а также и столкновеніе его съ Жобаромъ, приведены между прочимъ въ соч. *Е. М. Θεоктистова* о „Магницкомъ“ (Спб. 1865 г., стр. 116—125). Послѣ паденія Магницкаго Петръ Сергѣевичъ сумѣлъ удержать за собою выгодное положеніе и при новомъ составѣ университетской администраціи. Былъ много лѣтъ деканомъ „отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ“ и сошелъ „со сцены“ лишь въ ноябрѣ 1845 года. Получивъ разрѣшеніе носить въ отставкѣ мундиръ, онъ жилъ то въ Казани, то въ имѣніи своемъ, деревнѣ Ивановской (Мензелипскаго уѣзда), гдѣ и умеръ 29 мая 1860 года, оставивъ одного сына и четырехъ дочерей. П. С. Сергѣевъ былъ женатъ два раза: 1) на дочери казанскаго полицеймейстера Екатерины Андреевны *Стань* и 2) на Надежды Ивановны *Бутлеровой*, двоюродной сестрѣ нашего знаменитаго химика.

Андрей Филимоновичъ Хламовъ представлялъ собою очень жалкую фигуру, типъ забитаго, загнаннаго человѣка, лишеннаго всякой „интеллектуальности“—если можно такъ выразиться. Современники утверждали, что Хламовъ не имѣлъ ничего общаго съ наукой. Между тѣмъ этотъ адъюнктъ преподавалъ въ казанскомъ университетѣ и философію, и логику, и опытную психологію, и славянской языкъ, и теорію краснорѣчія (онъ называлъ ее „теоріей“), и риторіку. Поступивъ изъ рязанской бурсы въ московскую духовную академію и кончивъ въ ней курсъ, Хламовъ опредѣлепъ былъ въ оренбургскую семинарію преподавателемъ философіи и инспекторомъ (1820 г.). Но въ Оренбургѣ ему не повезло: мѣстный епископъ Θεофілъ потребовалъ удаленія его изъ семинаріи. Хламовъ былъ

уволень отъ занимаемыхъ имъ должностей съ аттестатомъ, въ которомъ сдѣлали отмѣтку такого рода: „Учитель и инспекторъ Андрей Хламовъ увольняется по хладнокровности къ обязанностямъ и по допущенію противу нравственности въ содержаніи при себѣ прислужницъ въ виду семинарской бурсы, а потому рекомендованъ быть не можетъ“. Хламовъ вышелъ изъ епархіальнаго вѣдомства и сталъ искать счастья въ свѣтскомъ. Здѣсь судьба ему улыбнулась: онъ поступилъ въ канцелярію известнаго Балашова, генераль-губернатора рязанскаго, тульскаго, орловскаго и тамбовскаго, и очень скоро приобрѣлъ личное расположеніе этого вельможи, который выхлопоталъ ему „за усердіе“ брилліантовый перстень. Но Андрею Филимоновичу этого было недостаточно. Онъ лелѣлъ мысль втереться въ число наставниковъ рязанской семинаріи, съ сохраненіемъ службы у генераль-губернатора. Балашовъ былъ личность сильная, нѣкогда министръ полиціи, имя котораго было тѣсно связано съ судьбою графа Сперанскаго. Благодаря ему, Хламовъ безъ труда получалъ уроки „русской словесности“ въ заведеніи, въ которомъ когда-то былъ такъ-называемая „купоросныя щи“. Удовлетворивъ завѣтной мечтѣ, истекавшей вѣроятно изъ желанія посмѣяться надъ отмѣткою въ аттестатѣ, сдѣланною по настоянію строгаго оренбургскаго владыки, Хламовъ пошелъ дальше. Онъ снова ударилъ „челомъ“ генералу, который далъ ему письмо къ казанскому попечителю Магницкому, готовому сдѣлать для Балашова что угодно. Въ письмѣ этомъ Хламовъ рекомендованъ какъ „образцовый мужъ науки“, могущій съ честью занять профессорскую кафедру. Магницкій опредѣлилъ его адъюнктомъ философіи. Впрочемъ, научное, а еще болѣе нравственное реноме этого человѣка стояло очень невысоко. Хламовъ былъ настолько хламъ, какъ профессоръ, что смѣшившій Магницкаго Мусинъ-Пушкинъ не считалъ даже за нужное говорить ему „вы“. Зайдя однажды на лекцію Хламова, попечитель заснулъ въ креслѣ. Хламовъ, замѣтивъ это, прекратилъ чтеніе. Вслѣдствіе водворившейся вдругъ тишины Мусинъ-Пушкинъ поднялъ голову. „Что нечитаешь? обратился онъ къ Андрею Филимоновичу. „Ваше Пр—во изволили почивать, такъ я боюсь помѣшать...“ —отвѣчала тотъ. „Значитъ, хорошій твои лекція...“ При этихъ словахъ попечитель, хлопнувъ громко дверью, вышелъ изъ аудиторіи „образцоваго мужа науки“. Однако какъ ни велика была бездарность Хламова, онъ все-таки сумѣлъ продержаться въ средѣ профессоровъ нашего университета“

около десяти лѣтъ. Чтеніе его было сухо, безсвязно; онъ нѣсколько разъ повторялъ одно и тоже слово. „Теорія словесности, теорія, теорія. . . . теорія словесности. . . .“ Робость никогда не покидала этого философа, гдѣ бы онъ ни находился. Достоинно замѣчанія одно обстоятельство, которое, безъ сомнѣнія, извѣстно всѣмъ, кто помнитъ А. Ф. Хламова. У него гдѣ-то въ Рязанской губерніи проживалъ дядючкѣ-отецъ, который, посылая въ Казань къ сыну письма, адресовалъ ихъ не Андрею Филимоновичу, а просто: „Андрюшкѣ Хламову“, опасаясь прогнѣвать университетское начальство излишнимъ „величаніемъ“. Студенты и профессеры это знали и хохотали. — „Вы-бы, Андрей Филимоновичъ, попросили своего родителя писать адресъ соотвѣтственно вашему званію и положенію“. — „Пробовалъ, да бесполезно. Не тебѣ, говорить, меня учить. Знаешь-ли, говорить, въ какомъ кругу ты живешь. Вездѣ господа, да начальство, а ты кто: дядючкѣ сынъ не больше. Встарину именитые люди были и тѣ писались Афонасько, да Ивашко. . . . А ты, что возносишься? Учонь больно, что-ли!?“ — Хламовъ рассказывалъ это обыкновенно въ веселомъ настроеніи, гдѣ-нибудь въ пріятельской бесѣдѣ между сослуживцами, вызывая громкій, гомерическій смѣхъ у присутствовавшихъ. Впрочемъ, мы не должны особенно удивляться наивности бурсака Хламова. Въ его время профессеры и съ болѣе „цивилизованымъ“ образованіемъ соединяли простоту нравовъ, каковою отличались, съ замѣчательною приниженностію поступковъ. Надѣтъ фракъ и взойти въ немъ все-таки съ задняго крыльца къ людямъ, старшимъ рангомъ, — считалось признакомъ благовоспитанности. . . . Андрей Филимоновичъ Хламовъ оставилъ казанскій университетъ въ маѣ 1839 года. Дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна.

Михаила Сампсоновича Рыбушкина П. И. Мельниковъ слушалъ только первый годъ: въ 1835 году этотъ профессоръ назначенъ былъ директоромъ училищъ Астраханской губерніи. М. С. Рыбушкинъ былъ извѣстенъ не столько какъ профессоръ казанскаго университета (съ 1823 по 1835), сколько какъ историкъ и публицистъ нашего города. Въ 1832 году онъ предпринялъ, въ товариществѣ съ М. В. Полиновскимъ (о немъ рѣчь будетъ ниже), изданіе мѣстнаго журнала: *Заволжскій Муравей*, который издавался ровно три года, и выпустилъ 72 книжки, или девять частей, съ рисунками нѣкоторыхъ древностей нашего края. Желающихъ ближе ознакомиться съ исторіей „Заволжскаго Муравья“, мы отсылаемъ къ обстоятельной

статья объ этомъ изданіи П. А. Пономарева ¹⁾. — *Исторія города Казани*, написанная Рыбушкинымъ, вышла въ свѣтъ въ 1834 году и раскуплена на расхватъ. Второе изданіе ея вышло въ 1850 году, уже по смерти автора, и далеко уступаетъ первому въ библиографическомъ отношеніи. Имѣя намѣреніе поговорить о литературныхъ трудахъ и изданіяхъ М. С. Рыбушкина подробнѣе въ особой статьѣ, мы обратимся къ преподавательской его дѣятельности. Онъ соединялъ нѣкоторое время двѣ должности: былъ учителемъ гимназій и профессоромъ университета. Какъ учитель—онъ былъ любимъ учениками, которымъ преподавалъ словесность, исторію и географію. Особенно всѣмъ нравились его уроки по русской исторіи. Онъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать очень смѣлую, по тогдашнему времени, обрисовку историческихъ личностей. Рыбушкинъ не могъ безъ волненія произносить многихъ событій нашей исторіи XVIII вѣка, какъ свидѣтельствуютъ казанскіе старожилы, когда-то учившіеся у Михаила Самсоновича. Въ университетѣ ему выпало на долю читать славянскій языкъ, предметъ, который дается людямъ такъ—сказать „избраннымъ“; только въ устахъ такихъ лицъ, какъ покойный В. И. Григоровичъ, славянскій языкъ отверзалъ свои красоты. Насколько Рыбушкинъ былъ живымъ, а можетъ быть и талантливымъ учителемъ исторіи въ гимназій, настолько же оказался онъ безцвѣтнымъ преподавателемъ славянскаго языка въ университетѣ. Впрочемъ, профессура его осложнялась постоянно занятіями посторонними: то посылали его управлять университетскою типографіей и ѣздить для закупки бумаги и заключать условія съ фабрикантами: то возлагали на него исправленіе должности директора гимназій, то поручали ему приводить въ порядокъ архивъ университета; наконецъ отнимали его время постороннія литературныя работы, которымъ предавался онъ съ полною любовію и увлеченіемъ; всѣ эти условія не могли, конечно, благопріятствовать интересамъ каѳедры.

Перейдя на службу въ Астрахань, онъ не покинулъ литературы. Роясь въ мѣстныхъ архивахъ, откопалъ много очень важныхъ документовъ старины, которые дали ему возможность выпустить въ свѣтъ новый историческій трудъ: *Записки объ Астрахани*. (Москва, 1841 г.) Побывавъ затѣмъ три года директоромъ въ Пензѣ (1843—1846), М. С. Рыбушкинъ, вслѣдствіе упадка силъ, вышелъ въ отставку,

¹⁾ Статья эта напечатана въ *Казанскомъ Литературномъ Сборникѣ*, изданномъ въ 1878 г. въ пользу крестьянъ Казанской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожаа (стр. 179—222).

переселившись на жительство въ Казань, которую горячо любилъ съ юношескихъ лѣтъ, хотя и былъ урожденцемъ Симбирской губерніи. Въ Казани онъ былъ всегда самымъ популярнѣйшимъ человѣкомъ. Очень многіе помнили романтическое событіе, въ которомъ Михаилъ Самсоновичъ игралъ роль главнаго дѣйствующаго лица. Произшествіе это относится къ молодымъ годамъ Рыбушкина; оно состоитъ въ слѣдующемъ. Въ Казани существовалъ театръ, содержавшійся помѣщикомъ Сергѣемъ Петровичемъ Есиповымъ. Труппа вся была составлена изъ крѣпостныхъ людей антрепренера. Въ числѣ женскаго ея персонажа находилась молоденькая „Феклуша“, которая очень понравилась нашему историку. Превративъ себя мысленно въ Плутона, а ее въ Прозерпину, Рыбушкинъ похитилъ Феклушу тайно и она изъ крѣпостной есиповской актрисы сдѣлалась Феклой Парфеновной Рыбушкиной. Романъ этотъ весьма долго занималъ досужее общество казанскихъ барынь; благодаря которымъ Рыбушкинъ былъ „героемъ дня“. Разумѣется, большой свѣтъ не замедлилъ осудить поступокъ Рыбушкина, находя возмутительное неприличіе въ женитьбѣ человѣка „высшаго круга“ на крѣпостной дѣвушкѣ. Во всякомъ случаѣ это было началомъ популярности Михаила Самсоновича. . . . Остатокъ дней своихъ М. С. Рыбушкинъ провелъ въ Казани, приготовляя къ печати 2-е изданіе *Исторіи Казани*. Не составивъ себѣ на службѣ никакого „благопріобрѣтеннаго“ состоянія (родоваго у него тоже не было), онъ умеръ совершеннымъ бѣднякомъ 20 марта 1849 года, 58-ми лѣтъ отъ рожденія. Издержки по изданію его „Исторіи“ принялъ на себя тогдашній городской голова Анисимъ Кирилловичъ Месетниковъ. Краткій некрологъ, появившійся послѣ смерти Рыбушкина, заканчивался такими словами: „Михаилъ Самсоновичъ отличался душевною добротою, веселымъ характеромъ, и съ замѣчательною охотою дѣлился своими свѣдѣніями со всѣми желающими. Этихъ качествъ довольно для того, чтобы уважать память его“.

Григорій Степановичъ Суровцовъ въ эпоху студенчества П. И. Мельникова былъ сѣдымъ, сгорбленнымъ старичкомъ. Онъ былъ невысокаго роста и ходилъ раскарякою. Каменный домъ, который онъ выстроилъ себѣ послѣ пожара, принадлежитъ теперь купцу Ворожцову (противъ аптеки Грахе). Профессоръ этотъ не пользовался симпатіею студентовъ. Подадутъ, бывало, молодые люди прошенія о принятіи ихъ въ университетъ, Суровцовъ и роется въ формулярныхъ спискахъ ихъ отцовъ, чтобы узнать у

кого какое вѣнїе. Кто побогаче, къ тѣмъ придирается на экзаменахъ. „Вы не совсѣмъ готовы, объявить онъ въ концѣ-концовъ экзаменующемуся. Вамъ необходимо взять нѣсколько уроковъ!“ (у него былъ пансіонъ). Многіе по-неволѣ соглашались брать у Суровцова уроки, которыхъ онъ въ сущности и не давалъ, деньги-же получалъ впередъ. Объ этомъ, конечно, знали всѣ, но мало смущались, ибо господство взятки въ описываемую эпоху не могло никого удивлять. Самъ Г. С. Суровцовъ былъ воспитанникъ вологодской семинаріи, изъ которой потомъ переведенъ былъ въ „троицко-лаврскую“, гдѣ учился вмѣстѣ съ Григоріемъ Постниковымъ, впоследствии архіепископомъ казанскимъ, которому былъ ровесникъ и пріятель. Побывавъ затѣмъ учителемъ семинарій—вологодской и валужской, прослуживъ два года помощникомъ столоначальника въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Григорій Степановичъ нашелъ лазейку къ Магницкому и опредѣленъ имъ (въ 1822 году) экстра-ординарнымъ профессоромъ казанскаго университета по кафедрѣ русской словесности (вмѣсто Г. Н. Городчаннова). Лекціи его были сухи и монотонны, читалъ онъ ихъ вяло. Будучи деканомъ словеснаго факультета съ удовольствіемъ брался экзаменовать молодежь изъ новыхъ языковъ, которые зналъ очень плохо. Французскія, напримѣръ, фразы произносилъ не иначе какъ по-латынѣ: *Mes dames*—выходило у него „месъ-дамесъ“, а слово *l'honneur*—онъ читалъ: „лгоннеуръ“, наивно увѣряя, что никто изъ экзаменующихся не знаетъ по-французски. Содержа нахлѣбниковъ въ своемъ пансіонѣ, онъ пріобрѣлъ себѣ капиталецъ, на который купилъ въ Казанскомъ уѣздѣ деревню Бирюли, а потомъ еще гдѣ-то въ Царевкокшайскомъ. Впрочемъ и деревянную патуру Суровцова общественное горе могло тронуть очень глубоко. Вотъ какъ самъ П. И. Мельниковъ описываетъ душевное состояніе этого профессора, подавленное неожиданной вѣстію о смерти Пушкина: „Въ началѣ февраля 1837 года третій курсъ словеснаго факультета въ 8 часовъ утра собрался на лекцію русской словесности. Суровцовъ, по обыкновенію, вошелъ въ аудиторію во время боя часовъ. Мы ожидали, что онъ, какъ водится, взойдетъ, слегка прихрамывая, на кафедру, сядетъ, оглядитъ студентовъ, замѣчая, кто не пришелъ на лекцію, вынетъ серебряную табакерку; положитъ ее направо, вынетъ красный фуляровый платокъ и положитъ его палъво и начнетъ лекцію обычною фразой: „въ прошедшій разъ бесѣдовали мы, государи мои, о томъ-то“.—Не тутъ-то

было: Григорій Степановичъ взошелъ на кафедру и, не сядя, вынулъ изъ кармана газетный листокъ, помпится. *Русскаго Инвалида*, поднялъ его къ верху и окинувъ быстрымъ взглядомъ аудиторію, громко сказалъ: „встаньте!“ Мы встали, съ изумленіемъ глядя на профессора. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ, въ которомъ слышались горькія задушевные слезы, онъ прочелъ извѣстіе всего нѣскольکو строкъ. Живо помню первыя слова его: „Солнце нашей поэзіи закатилось—нѣтъ болѣе Пушкина!“ Аудиторія ахнула въ одинъ голосъ, слышались рыданія... Самъ профессоръ сѣлъ и склонивъ на кафедру сѣдую какъ серебро голову, горько заплакалъ.... Прошло нѣскольکو минутъ, онъ всталъ и сказалъ: „Князь русскихъ поэтовъ во гробѣ. Его тѣло везутъ изъ Петербурга куда-то далеко. Быть-можетъ, оно еще не предано землѣ. При незакрытомъ еще гробѣ Пушкина какъ смѣть говорить о русской словесности! Лекціи не будетъ—пойдемте молиться“. Къ 9 часамъ пріѣхалъ въ университетскую церковь попечитель. (См. *Моск. Вѣдомости* отъ 13 ноября 1874 г. № 285). Г. С. Суровцовъ принималъ дѣятельное участіе въ „Казанскомъ Обществѣ любителей отечественной словесности“, читая въ засѣданіяхъ его рѣчи, стихи, разсужденія на темы: „о критикѣ“, „о вкусѣ“, „о гениѣ“, и т. д. Кромѣ этого редактировалъ одно время университетскій журналъ: *Казанскій Вѣстникъ*. Въ этомъ изданіи, а равно и въ *Прибавленіяхъ къ Казанскому Вѣстнику*, встрѣчаются многіе стихи и прозаическія статьи Суровцова, болышекъ частію переводныя. Въ отставку онъ вышелъ въ январѣ 1840 года, передавъ чтеніе лекцій молодому ученому К. К. Фойгту. Григорій Степановичъ былъ женатъ на Маріи Михайловнѣ Загурской.

Карлъ Карловичъ Фойтъ, молодой талантливый и всѣми любимый профессоръ словесности нашего университета, смѣнившій Суровцева, умеръ 30 октября 1873 года въ должности предсѣдателя ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія и члена совѣта этого министерства. Онъ родился 7 апрѣля 1808 года въ г. Нарвѣ. Двухъ лѣтъ отъ роду лишился онъ своего отца. Карла Амвросіевича Фойгта, профессора теоретической и практической философіи въ только-что основанномъ казанскомъ университетѣ. Мать Карла Карловича, Елизавета Карловна (урожд. Эйлеръ, дочь лейбъ-медика), овдовѣвъ, вышла замужъ за перваго ректора этого университета Ивана Осиповича Брауна; но потомъ опять овдовѣла, и жила до самой смерти своей (въ 1852 г.) у сына. Дѣтство и

юношество свое К. К. Фойгтъ провелъ въ домѣ родственника своего, профессора Θ. И. Эрдмана, который женатъ былъ на двоюродной сестрѣ Карла Карловича, баронессѣ фонъ-Деленъ. Въ 1823 году Фойгтъ кончилъ курсъ въ казанской гимназiи, а въ 1826 году въ казанскомъ университетѣ съ степенью кандидата, имѣя 18-ть лѣтъ отъ роду. Службу началъ въ той же гимназiи преподавателемъ персидскаго языка, подъ руководствомъ профессоровъ Эрдмана и Казембека. Въ 1828 году, сверхъ обязанностей учителя гимназiи, онъ принялъ еще должность помощника библіотекаря университета, и въ этомъ званiи сдѣлалъ свое имя „историческимъ“ въ лѣтописяхъ университетской библіотеки. Имъ составленъ особый „Планъ расположенiя библіотеки, съ исторической запиской о главнѣйшихъ библиографическихъ системахъ, въ разныя времена предложенныхъ учеными“. Трудъ этотъ былъ одобренъ Императорскою академіею наукъ и по немъ составлены каталоги: документальный и систематическій, для главной библіотеки, и каталоги: документальный, систематическій и алфавитный (по авторамъ)—для студенческой. Занятiя Фойгта по каталогизации раздѣляли съ нимъ А. Я. Стобеусъ, Н. И. Второвъ, А. И. Артемьевъ и др. Профессура его началась въ 1833 году чтенiемъ лекцій по нѣмецкому языку. Въ слѣдующемъ году онъ представилъ магистерскую диссертацию: *„Историческій взглядъ на сатиру у важнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ“* и утвержденъ адъюнктомъ по кафедрѣ русской словесности, съ возложенiемъ на него преподаванiя исторiи общей литературы, сверхъ прежнихъ обязанностей. Въ 1835 году К. К. Фойгтъ женился на дочери бывшаго командира казанскаго пороховаго завода, генерала Глухова, Надеждѣ Васильевнѣ. Въ 1838 году (24 декабря) защитилъ диссертацию на доктора философiи, подъ заглавiемъ: *„Объ историческомъ значенiи эпопей у древнихъ и новыхъ народовъ“* и утвержденъ въ званiи экстраординарнаго профессора. Съ 1841 года былъ инспекторомъ классовъ во вновь открытомъ въ Казани родionовскомъ институтѣ. Ему-же, Фойгту, принадлежитъ заслуга составленiя „Отчета“ за 17-лѣтнее управленiе казанскимъ учебнымъ округомъ Мусина-Пушкина (съ 1827 по 1844 годъ), каковой отчетъ напечатанъ отдѣльною книгой въ видѣ очень толстаго тома. Въ 1845 году избранъ Фойгтъ проректоромъ университета и составилъ точный документальный каталогъ университетскаго милицейскаго кабинета, со включенiемъ обширнаго отдѣла восточной

нумизматики. Такимъ образомъ, служебно-ученая карьера Карла Карловича шла впередъ crescendo. Изъ профессора казанскаго университета его опредѣляютъ ректоромъ харьковскаго (1854); изъ ректоровъ—помощникомъ попечителя харьковскаго учебнаго округа (1859); изъ помощниковъ—попечителемъ того-же округа (1863), и наконецъ изъ попечителей—членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія и предсѣдательствующимъ въ ученомъ комитетѣ этого министерства.... „Такъ прошли 59 лѣтъ моей жизни и въ томъ числѣ—болѣе сорока посвященныхъ служебной дѣятельности“, говоритъ Фойгтъ въ своей автобіографической запискѣ, которою мы пользовались и которая прислана В. В. Владимірову, напечатавшему ее въ своей книгѣ, изданной къ юбилею казанской первой гимназіи. Для оцѣнки очень почтенной личности К. К. Фойгта, мы приведемъ нѣсколько словъ, принадлежащихъ одному изъ учениковъ его, который почтилъ своего почившаго уважаемаго наставника слѣдующей характеристикой въ некрологѣ: „... Для людей, лично знавшихъ покойнаго, извѣстіе о смерти его было очень тяжело; знать Фойгта значило любить его. Не смотря на то, что К. К. Фойгтъ оставилъ Казань двадцать лѣтъ тому назадъ ⁽²⁾, мы знаемъ, что память объ этомъ достойномъ человѣкѣ жива еще въ сердцахъ многихъ коренныхъ казанцевъ, которые знавали его и находились къ нему въ какихъ-либо отношеніяхъ.... Какъ профессоръ и писатель, Фойгтъ пользуется заслуженною извѣстностію. Въ исторіи образованія казанскаго края онъ современемъ займетъ видное мѣсто.... Не смотря на свои нерусскія имя и фамилію, Фойгтъ былъ вполне русскимъ человѣкомъ.... Изъ первоначальной семьи своей и изъ общества нѣкоторыхъ тогдашнихъ профессоровъ-иностранцевъ, выгодно отдѣлявшихся отъ другихъ, Фойгтъ вынесъ прекрасное знаніе новыхъ европейскихъ языковъ, знакомство съ произведеніями общей литературы, которая всегда была его любимымъ предметомъ, и ту мягкость, можно сказать—нѣжность характера, отличительную черту его, которая высказывалась и въ простотѣ его обхожденія и въ изяществѣ его манеръ. Фойгтъ невольно привлекалъ къ себѣ; его любили искренно, горячо, и любившіе его—мы увѣрены—съ грустью помянутъ вмѣстѣ съ нами этого прекраснаго и вполне достойнаго, по уму

(2) Слова эти сказаны въ 1873 году и напечатаны въ № 132 *Камско-Волжской Газеты* за этотъ годъ.

и сердцу человека". — Мы не станемъ приводить здѣсь перечня многочисленныхъ сочиненій Карла Карловича, потому что и безъ того рѣчь наша объ этомъ дѣятелѣ затянулась, хотя и невольно. Скажемъ, въ заключеніе, что супруга К. К. Фойгта пережила его десятью годами. Она скончалась 6 іюня 1883 года, въ Павловскѣ.

Н. Юсуповъ.

(Продолженіе будетъ).

О Г Л А В Л Е Н І Е І В Ы П У С К А .

4

~8

СТРАН .

- I. Забытая литературная могила. (Эпизодъ изъ „добраго стараго времени“). *Н. Агафонова*. 1
- II. Школьные воспоминанія. (По случаю юбилея казанскаго Михайловскаго приходскаго училища) *Я. Посадскаго*..... 11
- III. Редактору „Камско-Волжской Газеты“. (Новогодняя дума). Стихотвореніе *К Л—скаго*.. 20
- IV. Дмитрій Николаевичъ Садовниковъ. (Некрологическій очеркъ). *Н. Агафонова*..... 21
- V. Воспоминаніе объ *И. А. Шидловскомъ* и его библіотекѣ въ Казани. *Н. А.*..... 27
- VI. Памяти Андрея Печерскаго, казанскаго студента и волжскаго бытописателя. (Очеркъ). *Н. Юсупова*..... 36
-